

18+

РИТА ТОЛИМАН

Симметрия

Рита Толиман

Симметрия

«Издательские решения»

Толиман Р.

Симметрия / Р. Толиман — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-555872-5

Группа преуспевающих друзей, попробовав экзотический наркотик, оказывается в новой убогой реальности. Выясняется, что они вовсе не те, кем себя считали. Содержанка олигарха на самом деле — зависимая от сутенера проститутка, топ-модель — продавщица в ларьке, стартапер — безработный алкаш, депутат — школьный завхоз и т.д. Их прежняя богатая жизнь продолжается, но только в снах. Другьям предстоит осознать, что они являются частью научного эксперимента, из которого сложно выйти живыми. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-555872-5

© Толиман Р.
© Издательские решения

Содержание

СИММЕТРИЯ	6
Из трактата Чжуан-цзы	7
Часть первая. Перевертыш	8
Глава первая	8
Глава вторая	10
Глава третья	17
Глава четвертая	20
Глава пятая	26
Часть вторая. Сиамские близнецы	27
Глава шестая	27
Глава седьмая	31
Глава восьмая	33
Глава девятая	36
Глава десятая	38
Глава одиннадцатая	40
Глава двенадцатая	43
Глава тринадцатая	45
Глава четырнадцатая	46
Глава пятнадцатая	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Симметрия

Рита Толиман

© Рита Толиман, 2021

ISBN 978-5-0055-5872-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СИММЕТРИЯ

Однажды Чжуанцзы приснилось, что он – бабочка, весело порхающий мотылёк. Он наслаждался от души и не осознавал, что он Чжуанцзы. Но, вдруг проснулся, очень удивился тому, что он – Чжуанцзы и не мог понять: снилось ли Чжуанцзы, что он – бабочка, или бабочке снится, что она – Чжуанцзы?!»

Из трактата Чжуан-цзы

Часть первая. Перевертыш

Глава первая

Подмосковье. Вилла Полесского

Марта вторую неделю отдыхала на вилле Полесского. Могла ли она подумать, что он будет ее удерживать у себя в гостях так долго. Павел – человек закрытый. Четко очерчивающий границы и впускающий в свой мир ровно настолько, насколько сочтет нужным. Марта умела ждать, не форсировать и не требовать. И, похоже, лед тронулся.

Олигарх – как хищник в саванне, находящийся на вершине пищевой цепи. Неприручаемый и своенравный. Марта предпочитала масштабную игру, а риски, с ней связанные, только подзадоривали ее. Она уже многого добилась и не намерена останавливаться.

Так уж сложилось, что ее можно назвать соержанкой. В общепринятом понимании. Богатый мужчина одаривал за любовь, жила она в роскоши, и заботы о завтрашнем дне ее не беспокоили. Но было ли в этом счастье? Неа. Главный гештальт так и остался незакрытым. Марте хотелось, чтобы ее по-настоящему любили, чтоб однажды не предали, выставив за ненадобностью за дверь, как это сделала мать.

После протяжных дождей, наконец, вышло бойкое солнце и пекло во всю мощь, пытаюсь отогреть за три недели июньского ненастья. Самое время позагорать у бассейна. Услужливая горничная появлялась с коктейлем или клубникой, стоило о ней вспомнить, и исчезала до следующего требования.

Марта плавала голой. Никто из персонала не смел потревожить ее уединения. За спиной раздался всплеск, она развернулась и почувствовала прикосновение. Полесский прижался лицом к ее животу и, выдав под напором воздушные пузыри, вынырнул. Он улыбался глазами, потянул Марту к себе и приподнял за ягодицы. Она обхватила его торс бедрами и покрывла мокрое лицо поцелуями.

После секса Павел уткнулся головой в грудь Марты. Вот оно – мгновение слабости. Именно сейчас этот мужчина не такой как обычно. Не контролирующий все и вся. Не холодный и неприступный. Он даже кажется уязвимым и страждущим настоящего тепла. По крайней мере, так хотелось думать.

– Я за шампанским, – промурлыкала Марта, соскользнув с его красивого тела.

Принимая выгодные ее стану изгибы, она вышла из бассейна, ловя на себе жадный взгляд.

– Сексапилка! – Паша был все еще ее, это можно было определить по тональности.

Марта обернулась и кокетливо зажмурилась. Идиллию прервал звонок мобильного, лежавшего на столике.

– Ответь, пожалуйста, – попросил Павел.

Она взяла трубку.

– Да... Добрый день. Это Марта Воронцова. – Выслушав собеседника, Марта обратилась к Полесскому. – Борисов. Они с пиарщицей раньше подъехали. Ему подождать?

– Пусть проходят, – ответил Паша и нырнул к лестнице.

Особняк Полесского снаружи больше похож на модный торговый центр, чем на дворец принца. Большие белые кубы выстроены незатейливой конструкцией. Верхний уровень наползает на нижний, образуя козырек у входа. Стеклопаные стены фасада напоминают витрины. Открытая терраса дома под стать остальному – в светлых тонах, обставлена яркими пуфами и диванами. Плотные снопы лаванды в тканевых корзинках источают густой терпкий

аромат. Запах лета из детства. «Как густое желе, можно есть ложкой», – говорила когда-то мама. «И вилкой», – шутила Марта.

Полесский здесь ожидал посетителей, а Марта в безмятежном настроении наслаждалась мороженым. Цветастый сарафан мягко струился по телу и приятно охлаждал кожу. Она ощущала себя желанной, ее принц уже не скупился на знаки внимания, казалось, пространство вокруг заполнено волшебными феромонами.

Мимо рощи со стороны стоянки к ним шли мужчина и женщина. Мужчина – лет сорока пяти полноватый с залысиной, одетый в дорогой костюм. «Менеджер, агент или сводник», – подумала Марта. Не хватает в нем лоска и уверенности. Женщина лет тридцати, напротив, транслировала спокойствие и некую авторитетность. Это чувствовалось в ее взгляде, спортивной осанке. Персиковый цвет облегающего костюма оттенял смуглую кожу.

– Приветствую, Павел Маркович! – мужчина пожал руку Полесскому, подобострастно улыбаясь. – Не побеспокоили?

– Все нормально. Я как раз начитался про Чегодаева, есть что обсудить, – дружелюбно ответил Паша.

– Вот, Снежаночка! – мужчина представил спутницу. – Большой эксперт в пиар-технологиях. Это она делала Голдману кампанию по законности земельной сделки под новый терминал.

Снежана протянула руку Полесскому.

– Скандал по поводу территории аэропорта? – спросил Павел.

– Пришлось с начальником минтранса пободаться, – с улыбкой ответила пиарщица.

– На слуху это дело, – Павел пододвинул ей стул. – Присаживайтесь.

Борисов церемонно поцеловал руку Марте. Она выдавила улыбку, хотя улыбаться совсем не хотелось. Диспозиция переменилась: Павел с интересом посматривал на Снежану, Воронцова знала этот взгляд. Флер прекрасного утра в мгновение улетучился.

– Я посмотрела бекграунд кандидата. Все неплохо, особенно понравилось, что у Чегодаева своя аудитория в сетях. Но вся неразбериха на личном фронте – его ахиллесова пята. Соболев будет бить в это место, – излагала пиарщица.

– Руслан Чегодаев? – вмешалась Марта, ей хотелось продемонстрировать свою осведомленность и на равных участвовать в разговоре, – я наслышана про эту ахиллесову пята.

Снежана кивнула, снисходительно улыбнувшись.

– Дорогая, сходи на массаж. Ксуань сегодня раньше отпрашивалась, – Полесский говорил мягко, но непрекаемо.

Это означало, что Марте следовало удалиться, ее роль на этом закончилось.

– Ты придешь? – спросила она.

– Как только закончу.

– Хорошего дня, – Марта вымучила улыбку, обращаясь к гостям.

Глава вторая

Москва. Элитный ресторан «Quantum»

Официант с салфеткой на предплечье внес шампанское в ВИП-комнату. Здесь собралась компания друзей, были уже Марта, Криса, Роберт, Макс.

Модель Криса Долина в мини-юбке и топе с серым металлическим отливом сидела на стуле, отодвинувшись от стола и профессионально выставив свои длинные ноги напоказ. Ее пшеничные волосы, забранные в хвост, неестественно блестели и имели слишком ухоженный вид. Красотка ненадолго вернулась из Парижа в Москву, чтобы прихвастнуть среди своих топовой новостью. Модный дом Николаса Фабе предложил ей стать лицом осенней коллекции.

Криска – завсегдатай тусовок, светская львица, сотканная из гламура. Прошвырнувшись за недельку по всем значным местам, насобиравшая богемных новостей, она, как обычно, бравировала своей осведомленностью и сыпала новостями.

Не обращая внимания на присутствующих мужчин, а главное, чувства Марты, она лепила правду-матку:

– Все там были. И Полесский твой с новой телкой. Темленькая такая с короткой стрижкой.

Марте стало неловко. Подруга ее списала со счетов, поставив в ряд «старых телок Полеского». Хотя, она и ляпает это бесхитростно, не с целью задеть. Просто Долина мир видит каким-то прямым, односторонним, что ли. Если мужик, то непременно с телкой. Непонятно, каким чудом она держалась еще в мире моды с ее прямоотой.

– Это – партнерша его, они выборы в Казани делают, – невозмутимо ответила Марта.

– Я тебе потом скажу, какая она партнерша. Доверчивая.

Вошли Соколовы. Олег одет в джинсу и кеды. Типичный прикид стартапера. И жена под стать – ничем не примечательная особа. Но всякий раз, когда они появляются, атмосфера проникается семейственностью. Коронная фраза Олега: «Что Даша скажет?». Кажется, он постоянно нуждается в ее одобрении. Дашуля рядом с рок-н-рольной Крисой и сексапильной Мартой выглядит мышкой. Милой, но все же мышкой. Среднего роста, с ладной, но неброской фигурой. Единственное, что притягивает внимание – миловидное личико. Фактурные взлетающие брови, красиво изогнутые губы. Таких любит камера.

– Всем привет! – она дружелюбно улыбалась. За это ее все и любят. За открытость и немного по-детски наивный взгляд.

– О-о-о! Дашутка, зайка, давно не виделись! – заверещала Криса.

– Почаще прилетай в нашу серую Москву!

В дверях появился brutальный шатен, черный от загара, с густой щетиной и поигрывающими из-под дизайнерской футболки бицепсами. На принте футболки среди кислотных загогулин пробивалась голова и лапа зеленого зверя, мордой проходящего на кролика, с торчащими на шупальцах шариками-глазками. Дима Спичкин!

Криса повисла на мощной Димкиной шее.

– Великолепна! Сногшибательна! Моя ты красавица! – он лобызал кокетливую модельку.

– О, и Марта здесь! Двойной сюрприз! Очень рад тебя видеть, крошка. Как Пашка?

Марта пожала плечами:

– Опять сильно занят.

– Не грусти, детка. Олигархи она такие.

– Ну и как там шаман? – Криса протянула бокал с дымящим жидким азотом коктейлем Диме.

– Живет себе, молится. Беззубый правда, – издалека начал он.

– Так ты реально в Аризоне был? – спросил Олег.

- В прериях. Я же давно хотел.
- Свободный ты человек! Я отвернуться не могу, кажется, без меня все развалится.
- Ну и что он тебе сказал? – торопила Криса.
- А ниче конкретного. Сказал, сам увидишь, курнуть дал.
- Траву, что ли?
- Особенную какую-то, аризонскую.
- Торкнуло?
- Глюки были, типа я в каком-то эксперименте участвую.
- Так ты узнал, что хотел?
- Узнал кое-что.
- Дим, расскажи! – распалилась Марта. Спичкин умел создать интригу.
- Расскажи, да покажи, – Дима взял паузу, за столом нависла тишина. – Травы я у него прихватил, знатная вещь.
- А-а-а-а! – заверещала Криса.
- Спичкин вытащил из кармана два пакетика сухой смеси.
- Ну, налетай, – подзадорил он.

Комната наполнилась смрадом самокруток. Марта брезгливо затаилась. Ее лицо расслабилось, еще пару затяжек, предметы вокруг стали размываться, и все приятно закружилось. Свинцовые веки опустились, ослабело натяжение каждой мышцы лица, челюсть провалилась. Тело превращалось в мешок биомассы, растекающейся по мягкому креслу.

Марта неслась, как частица мироздания в пространственно-временном туннеле. И не могла контролировать свое движение, а могла лишь наблюдать за проносящимися мимо нее потоками таких же как она, крошечных единиц.

«Я частица, частица в потоке. Как молекула в струе воды, а может быть как атом гелия в солнечной плазме, или как там они называются? Элементарные частицы. А вдруг я фотон? Как же я смогу управлять собой, если я фотон? Мне страшно», – в сознании Марты пиксельное изображение множества частиц начало выстраиваться в картину, в которой угадывался человеческий образ. «Я сейчас увижу Бога», – подумала она и постаралась пристально всмотреться в изображение, чтобы не пропустить кульминацию. Марта ощущала, что соприкасается с чем-то большим, светлым. И впервые в жизни ее мучало чувство потери самоидентификации, невозможности осознать и контролировать себя. Когда образ начал приобретать очертания, она очнулась, обнаружив себя в компании друзей, отходящих от видений.

Дима протянул бокал шампанского.

- Как оно?
 - Странное.
 - Не сразу догоняет. Еще поймешь, – с ухмылкой заверил он.
 - Криса открыла глаза. Ее лицо вытянулось, скулы стали еще острее, а кожа бледнее.
 - Вот и Кристиночка вернулась. Девочки, я выскочу на минуту, позвонить надо, – Спичкин вышел из комнаты.
 - Не понял я эту дрянь. Напряг один, – Олег потряс головой, выпил стакан воды.
 - И меня депресняк накрывает, – сказала модель и замахнула бокал шампанского.
 - Всем было не по себе от раскура.
 - Димон-то куда девался? – спросил Макс Кузнецов.
 - Позвонить вышел. Сказал, приход еще будет, – Марте было дурно, не хватало воздуха.
- Она встала, направляясь к двери.
- Я с тобой, – сказала Кристина и, взяв со стола клатч из змеиной кожи, пошла к выходу.

Когда вышли из ресторана, Криса держала в руках не изящный клатч, а грубую дерматиновую сумку. И вывеска у входа была не «Quantum», а «У Петровны». И не слепили повсюду столичные огни, а тускло горели несколько фонарей, освещая Богом забытую улочку провинциального городка. В нос ударил букет других, не столичных запахов. Веяло вовсе не смогом выхлопов и раскаленным асфальтом. Аромат зеленой листвы смешался с душиком несвежего шашлыка, и едва уловимым испарением заправшей мочи.

Выглядела Криса иначе: от ее гламурности не осталось и следа. Она в балахонистой одежке смотрелась как школьная библиотекарша или того хуже певчая в церковном хоре.

– Ля-я-я... Это че, приход начался? – Марта озиралась по сторонам.

Ее взгляд остановился на остолбенело застывшей Кристине.

– Хи-хи-хи, – ужас подруги сменился истерическим смешком.

– Ты себя видела? – Марта заразилась ее смехом, – ты где такую палатку откопала? – она указывала на платье подруги.

– А ты как шалава с Минского шоссе!

Экстремально короткое платье сдавливало тело, мешая свободно дышать. Кричащий пурпурный цвет, который ненавидела Марта, резанул глаз.

Из кафе вышли ребята. Олег прибавил десяток лет и выглядел спившимся. Трехступенчатые мешки под глазами и резаные складки бороздили лицо. Даша выглядела измученной и болезненной. Макс – как парень со стройки. И Роберт – не светский лев, а обычный мужичонка, одетый в ширпотреб.

Таких гримас на лицах друзей Марта еще не видела. Мерцающая вывеска «У Петровны» подсвечивала растерянные физиономии зелеными пятнами, делая их похожими на существо с Диминой футболки, с такими же вылезшими из орбит глазами. Криса обдала их порцией раскатистого смеха.

– По ходу, началось, мужики, – Макс выглядел ошеломленным.

Вдоль улицы по обеим сторонам тянулись двухэтажные домики, с облупленной штукатуркой. «Их строили пленные немцы», – откуда-то прозвучало в голове. Из кафе доносилась заунывная песня «Дым сигарет с ментолом». Худой черный кот, взявшийся непонятно откуда, крутился под ногами Марты.

«Ках, ках», – раздалось сиплое кашляние. Чуть поодаль у магазина «Березка» сидел на асфальте бомжеватого вида мужик с бутылкой пива, прислонившись спиной к стене.

– Расширяет сознание капитально, давно такого колориту не видел, – брови Олега, взлетев, никак не возвращались на свое место. Потрясенный, он крутил головой, осматривая достопримечательности.

– Не понял, у нас у всех общий глюк? Или это вы все в моем собрались? – от лоска Роберта Бирюкова не осталось и следа. В старомодных брюках и рубашке, в сандалиях, одетых на носок, он никак не тянул на депутата Госдумы. Дурацкие лохматые усы, слегка подкрученные вверх, делали его похожим на Эркюля Пуаро.

– Какая, хрен, разница? – выдавил Макс через смех.

– А Димон-то куда девался? – вспомнил Соколов.

– Ушел куда-то, мы его не застали, – ответила Марта.

Криса озираясь, отметила:

– Мне кажется это место знакомым, как будто я бывала здесь раньше.

– А у меня чувство, что я уже видела вас такими, – подхватила Марта.

– Какими такими? – спросил Кузнецов.

– Убогими, что ли... – Марта рассматривала свое платье. Она и сама выглядела очень убого. – И это платье я точно видела. Жесть!

– Блять, это же антинаучно! – выпалил Олег.

Даша с удивлением смотрела на мужа.

– Олег заматерился, это точно глюк, – сказал Макс.

– И когда это кончится? Чего-то мне не по кайфу в рубище дефилировать, – Криса с отвращением стянула с шеи розовый шифоновый шарф и бросила в сторону.

Мужичок с любопытством наблюдал за компанией.

– Эй, вы Диму Спичкина не видели? Он выходил из ресторана! – крикнула Марта ему.

– Знает бомж твоего Диму, – усмехнулся Макс.

– Спичкина? Видел, ну и че? – крикнул в ответ забулдыга.

– Ох ты ж, бля, – опять матернулся Олег.

«Шорк, шорк, цок, цок», – застучали подошвы и каблуки. Марта на высоких шпильках перепрыгивала через извивающиеся трещины в асфальте. Ребята подбежали к мужику.

– Куда он пошел? – спросила Марта.

– Я тебе не информбюро, – хамски ответил он.

Соколов пошарил в карманах. Он искал портмоне, но там ничего не оказалось, кроме дырки и смятого полтинника, который он протянул мужику. Бомж спешно спрятал купюру в карман.

– Так Дима не выходил из ресторана. ПомЕр же он накануне. От передоза, че не знаете? – говорил он о само-собой разумеющихся вещах.

– Зашибись, – ругнулся Макс.

– Его похоронили? – спросил Олег.

– Понятное дело, похоронили, – бомж достал пачку сигарет «Столичные» и со вкусом раскурил.

– Где, знаешь?

– На северной стороне кладбища недалеко от свалки, – мужчина выпустил кольцо дыма.

– Место покажешь? – зачем-то выяснял Олег.

– А это стольник будет, – сказал предприимчивый бомж.

Роберт нашарил в кармане деньги, протянул купюру:

– Ну ты и хапливый, черт.

Алкаш неуверенно встал и, пошатываясь, пошел. Но ушатывало и всех присутствующих, то ли от местного колорита, то ли от действия этой дури. Командой зомби друзья шествовали по проезжей части и повторяли загзаги ведущего. И как-то от этого было даже неплохо. Теплый вечер, хардкорный городишка «Шингай», как его назвал мужичонка. В таком квесте Марта еще не участвовала.

– Вы че, реально на кладбище собрались?! – вдруг общий настрой прервала Криса.

– На могилу Димкину глянем. Все равно мы в глюке, терять нечего, – сказал Олег.

– И какого?! – взвизгнула Криса, провалившись каблуком в трещину.

Макс нашарил в карманах заношенных джинс пошарпанный смартфон.

– Хрень какая-то, ксеоми. Народ, знаете, что это?

Он на ходу изучал новую игрушку для простых смертных. Ржал.

– Фейсбук глючит, говорит, нет такого профиля, – пробубнил Максим.

– Какого профиля? – Марта висла на плече Кузнецова, кое-как переставляя ноги на цапельных каблуках.

– Моего, – буркнул он и открыл фотогалерею. – Блин! Это че? Катька!

– Кто? – спросила Криса.

– Не знаю, кажись, жена моя.

– Ты женат? – наострилась Долина.

– Нет вроде... Но это Катька. Откуда я ее знаю?

– Не отставать! – бомж издал командный клич, от которого сразу всем захотелось построиться и маршировать ровной шеренгой.

Опустилась ночь, светила полная луна. Сквозь листву просматривались очертания крестов. Ушатанная колонна двигалась по кладбищу. Их коллективный глюк затянулся. Марта ждала что он вот-вот закончится, но он становился яснее и четче. Жуткие, впивающиеся в припухшие ноги туфли терли ноги, сохранять устойчивость на длинной шпильке Воронцова уже не могла. Она выкинула эту садистскую обувь: один туфель вправо, а другой – влево. Теперь шагалось легче и веселее. Немного знобило. Особенно странно топтать босой по кладбищу. Марте казалось, что отовсюду к ней тянутся длинные руки мертвецов. Занятно, мертвецов Марта боялась меньше всего.

Памятников здесь не было, стояли лишь дешевенькие деревянные кресты. Бомж подошел к свежезасыпанной могиле.

- Здесь ваш Спичкин. Он мне полтинник должен, может вернете? – сказал он.
- На деревянной табличке надпись «Спичкин Дмитрий Аркадьевич. 1987 – 2021»
- Я предлагаю раскопать и убедиться, что Дима там, – предложил Олег.
- Капец! – закатила глаза Криса.
- А че, давай. Терять нечего, – подхватил Макс.
- Копать-то руками будем? – спросил Роберт.
- Так я вам струмент подгоню. Еще столык накините?
- Гони. Фонарь найдешь? – Бирюков вытащил свой бумажник.
- А то! – обрадовался бомж и спешно побежал по тропе.

Лопат на всех не хватило, а Марта с удовольствием и покопала бы. Оттягиваться, так по полной, чего за представлением наблюдать, когда можно активно участвовать? Но вот босой несподручно как-то. Парни работали лопатами, девушки бродили поблизости.

Воронцова в столичной тусовке в доску своя. Она вхожа в богатые семьи, ее приглашают на закрытые вечеринки. И никто не знает откуда она появилась. При случае она привирает, что из семьи потомственных москвичей. На самом деле Марта из подобного провинциального городка, в котором сейчас оказалась. И все здесь навевает мысли о юности. В воздухе висит тот же привкус детских мечтаний, тот же запах разочарований и несносной обиды на мать. И такие же магазинчики в стареньких двухэтажках с тошнотворным зловонием подкисшего молока, духотой и давкой в очередях, змеями, ползущих вдоль стен. И парк аттракционов, мимо которого они проходили, в точности такой же, как в детстве. Заросший деревьями и сорняком, со сломанными каруселями, где работали только лодочки. Видимо, не случайно в ее глюке был именно этот Шингай, подсознание хитрым образом возвращало ее туда, откуда она бежала. Комары кусали как-то остервенело, по-настоящему. Морило. Слишком все натуралистично для галлюцинации.

- Даш, Даша! Где вы?! – послышался издали крик Олега. – Давай сюда!

В могиле, действительно, оказался гроб. Грубо сколоченный, из неотесанных досок. Как большая коробка из-под овощей. Макс воткнул совок лопаты в щель между крышкой и днищем, с нажимом надавил на черенок. Крышка легко поддалась. Та-дам! А внутри гроб оказался пустым.

- Что и требовалось доказать, – Соколов вытер с лица пот.

...

Светало, друзья сидели на скамейках во дворе хрущевской пятиэтажки и пили жигулевское пиво. Панельный квартал бетонным панцирем сдавливал островок живого. Жизнь теплилась среди старых деревьев в палисадниках, облепленных вороньем, она буйствовала среди своры орущих на мусорке котов, она в извращенной форме неслась благим матом из окон второго этажа.

С соседнего двора, спотыкаясь и пританцовывая, двигался дядя Саша. В клетчатой рубашке с закатанными рукавами и трениках, пузырящихся на коленях и обвисших на заднице.

- «Эх, яблочко,

Куда катишься?

Ко мне в рот попадешь —

Не воротишься!» — орал он на весь двор.

Когда весельчак поравнялся с друзьями, его занесло как подбитый истребитель. Описывая двухметровую дугу, он сделал мастерскую посадку Марте прямо на колени.

— Славно приземлился, — прокомментировал он.

Воронцова поморщилась. Разило сложным букетом сивушных масел и помойки.

Мужчина встал, пошатываясь:

— Вашу ручку, мадам.

— Дядь Сань, иди спать уже, — Марта брезгливо одернула руку.

— Эх, яблочко, да на тарелочке,

Надоела жена, пойду к девочке! — продолжил петь алкаш.

Его приставания могли растянуться надолго, но взгляд мужика остановился на недопитой бутылке пива, стоящей на асфальте рядом с Мартой. Придерживаясь за ее коленку, он наклонился и поднял трофей.

— Это убрать, мадам? — спросил он.

— Да забирай и вали уже, тебя тетя Тома искала, — пригрозила Марта.

— Томка? — дядя Саша осмотрелся вокруг.

Не обнаружив своей боевой жены, закинул бутылку. «Бульк-бульк-бульк». Пустую тару, не глядя, бросил в урну, стоящую метрах в трех. К удивлению, не промахнулся.

— Мастер! — мужик поднял указательный палец, подчеркивая свою удаль.

— Щас кто-то у меня огребет по полной! — раздался громогласный женский голос с балкона.

— Томочка, я иду, не волнуйся, — подобострастно ответил дядя Саня и качающейся походкой спешно поковылял прочь.

Тетя Тома для проформы покричала вслед, да и угомонилась. Стало необычно тихо, коты перестали орать. И птицы, как по команде, притихли. Марте казалось, что в этой странной тишине она слышит не только биение своего сердца, но и сердца друзей. Они стучали вразнобой, образуя сложный замысловатый ритм. И, затаив дыхание, можно легко различить эту удивительную музыку.

— Я все равно после Димкиной дури не могу в себя прийти. Как будто реально моделькой была, все в деталях помню, — мечтательно сказала Криса. — Только с Парижа прилетела.

Ее серое платье ниспадало с нее большущими складками, пряча в себя любые намеки на женское тело.

— Неужели все померещилось? — вздохнув, протянула Марта.

— Достать бы еще этой шмали. Хочу снова на бэхе, да в Бриони! — Макс обратился к Долиной. — А рядом ты, Криска. Моднючая до безобразия!

Моднючая, блин, ему нужна. Сам-то только с села приехал, еще навозный душок не выветрился. В гюлке и он был красавцем хоть куда. На галстук, при костюме. Финансовый менеджер Кузнецов.

Олег под утро опять нажрался. Как ни старалась Даша его остановить, уделался в дымину. Голова склонилась на бок. Прищурившись, Соколов пытался навести резкость.

— Все... спать пора, — едва проворочал языком и закинул руку на плечо Даше, — пойдём.

— Ну наконец-то, — она уже несколько часов пыталась его увести домой.

Когда Дашуня уходила, Роберт на прощанье подмигнул ей. Будто с намеком.

Криска в гюлке худая была, модель, прямо высший класс! А в жизни Марте никогда не нравилось, как одевается подруга. Все мешковатое. Да и фигура у нее так себе. Рыхлые бедра, животик. Еще немного ватрушек, можно и в баржу превратиться. Но любила Долина

кулинарить, хоть и одна жила. Из своего магазина много списанных продуктов таскала. Наестся плюшек, а потом горюет, что мужика нет.

– Кристина, ты себя в глюке видела? – Марта взяла за руку Кристину. – Давай худей, и на подиум!

– Да, ладно, проехали, – подруга наклонилась к Воронцовой и шепнула. – Как там у тебя? Ты все еще на этого уроды батрачишь?

Марта пожала плечами.

– Завяжу я с этим. Но сначала срублю бабла и Герду назад заберу. Будем жить мы с ней вдвоем счастливые...

Она чмокнула Криску, встала и пошла усталой походкой. Обернулась, послала оставшимся воздушный поцелуй:

– Аривидерчи, мои кролики!

Свою общарпанную тесную однушку Воронцова ненавидела. Темно-синие местами ободранные стены в прихожей навевали тему школьного туалета, где в детстве одноклассницы курили и дрались.

Босиком прошлепала на кухню. Крутанула тугой железный кран, налила холодной воды. И с жадностью выхлестала сразу три стакана. После этой дури дико сушило горло. Зазвонил мобильный, это Вазгеныч.

– Ало, – ответила Марта.

– Чо вчера трубку не брала?! Сегодня вечером в восемь приходи. Тут человек хороший тебя просит, – зло прорывкал армянин.

– Какой человек?

– Нормальный человек, не боис, я его знаю. Все харашо сделаешь, половина долга спишу. Поняла?!

– Поняла.

Марта положила трубку, стянула удавливающее платье и без сил свалилась на кровать. Глаза слипались, она погружалась в сон. Опять мерещился полет в пространственно-временном туннеле.

Глава третья

Москва

Марта с Крисой сидели за дальним столиком в новомодном ресторане «Хёли» на новом Арбате. Из панорамных окон красовалась Москва во всем ее царственном хаосе. Разноцветных огней на этой улице столько, что, наверное, их энергии хватило бы на полет ракеты до Луны. Улица как застывающая лава уставшего вулкана двигалась еле-еле. Машины стояли, увязнув прочно и надолго. И громогласно голосили своими клаксонами оттого, что не могли выбраться на свободу.

«Вдова Клико» ударила фейерверком в желудке и весело разбежалась по сосудам. Приятная истома, умиротворение. После дикого сна эта жизнь казалась истинным раем.

– Приснится же такое. Мы нищие, живем в каком-то Шингае, – рассказывала Марта.

– В Шингае, – поддакнула Криса, – Спичкина искали на кладбище!

Долина говорила, а ее глаза все больше и больше округлялись, как глаза зеленого кролика-мутанта с Димкиной футболки. Наверное, Марта выглядела так же.

– Ни хрена себе! – иначе как ругательством, Воронцова не могла выразить эмоцию. – И как это понимать?

– Может бывают общие сны, – предположила подруга.

Она без умолку лопотала, вспоминая детали их общего сновидения. Как оказалось, все сходилось до «грамма». Подруга достала планшет и гуглила интернет соответствующими запросами. Когда Криса зачитывала очередную изотерическую статью, Марта уже не слышала ее, взгляд сосредоточился на другом. В зал вошел мужчина в модном льняном костюме. Это красавец Полесский. А под руку его сопровождала красотка, не менее блистательная, чем он. В костюме оверсайз мужского кроя она смело светила своим декольте. И это Снежана! Та самая пиарщица, после встречи с которой Павел пропал из поля зрения Марты. Он стал снова постоянно занятым, как и прежде. И куда девались их близость и доверие, что чувствовала Воронцова в последнее время? Хостес подвел парочку к свободному столику.

Криса, заметив остолбеневшую Марту, обернулась и увидела Полессокго.

– Вот видишь. Я же говорила, – торжествующе сказала Кристина.

– Да ладно, они по работе, – Марте не верилось, что она могла быть списана со счетов, и, как говорит Долина, перейти в разряд «старых телок».

Но увиденное свидетельствовало о другом. Между ними явно были отношения, причем не деловые. Снежана флиртowała, он велся. Даже через его спину читалось, как он смотрит на новую телку, пускает слюни. Марта влипла в свое кресло, не отводя от них глаз. Что следовало сделать? Устроить скандал она не могла, Полесский не потерпит этого. Окружить своим влиянием тоже не могла, поскольку была отстранена от тела. Нахлынула злость за свою наивность и выдуманную историю про несуществующую любовь. Мир конъюнктурен, и ей ли этого не знать?!

Снежана достала из портфеля карточку, размером с конверт и протянула Полесскому. Павел рассматривал ее некоторое время. Потом нежно заключил ладонь спутницы в свои.

– Да у них там лямур, – прервал оцепенение Марты голос Крисы.

Воронцову в действительности постигла участь «старой телки». На фоне до блеска деловой Снежаны Марта чувствовала себя деревенщиной. Тупой и вульгарной.

– Не кипятись, успокойся, – Долина схватила за руку Марту, будто боялась, что она вскочит и побежит разбираться. – Надо по-тихому устранить соперницу, Полесского не трогай. Ты же не хочешь его потерять!

Потерять?! Конечно же, она его уже потеряла. Точнее, не его, а веру в любовь. Дура, позволила себе влюбиться. А ведь отношения с ним были похожи на настоящие.

Марта соскочила со стула и решительным шагом двинулась к их столику. Снежана и Павел, увидев ее, не изменили своих блаженных гримас. Им фиолетово. Воронцова, не мешкая, выплеснула воду из бокала в лицо соперницы.

– Ну и сука же ты! – Марта вперилась в нее злым взглядом.

– Прекрати! – рявкнул Полесский.

Снежана, давясь слюнями и возмущением, бурча под нос что-то невнятное, подскочила и кинулась в уборную.

Взгляд Марты наткнулся на карточку, лежащую на столе. Фото УЗИ с беременностью. Она схватила снимок и демонстративно на глазах разлюбившего ее принца разорвала в клочья. Полесский грубо сжал ее запястье.

– Остановись, я сказал!

Мир вновь стал убогим. В заглазнике – новая обида. Ни один мускул на лице Марты не дрогнул. Она диким волком смотрела на Павла. Он разжал хватку. Воронцова одернула руку и убежала к выходу.

Моросило. Капли стекали по волосам и лицу, по обнаженным плечам. Дождь, казалось, проникал внутрь тела. Грудь предательски вздымалась. Марта быстрым шагом шла прочь от этого места. И почему ей хотелось верить в ложь?! Ведь любовь с Полесским она выдумала сама. Не могло быть никакой любви. Всякая любовь живет только до «новой телки». Быстро-точно как мотылек.

– Да стой же ты! – сзади окрикнула Криса.

Подруга подбежала и, преградив путь, обняла Марту. Волны в груди бились сильнее и выплеснулись горьким рыдом.

– Беременная сучка – не стена – подвинется, – заверила Долина.

Знакомая Крисы похлопотала и назначила у мадемуазель Фреэль сеанс вне очереди. Дело было сделано, и в час икс Долина приволокла сопротивляющуюся Марту к знаменитой кудеснице. Дом, в котором жила мадемуазель, находился в уютном дворике на Хохловском переулке возле Чистых прудов.

Кристина подвела Марту ко второму парадному, в палисаднике кустились желтые пионы, словно многочисленный выводок цыплят, вспушившихся от налетевшего ветерка. На свежеекрашенной скамье сидела женщина неопределённого возраста. Неопрятная, морщинистая и сигаретой во рту. Она выбивалась из образа благополучного квартала.

– Вы в семьдесят шестую? – спросила она хрипловатым голосом.

– Не ваше дело, – надменно ответила Долина.

– Бестолковые, – буркнула женщина.

Марта встала, не хотелось идти дальше. Зачем ей это? Кристина взяла ее за руку и властно дернула за собой.

– Прекрати сомневаться, а?!

На четвертом этаже светло-бежевая с резным орнаментом дверь открылась, подруг встретила рослая девушка в коротких шортах, обнажающих ягодицы и майке алкоголичке без лифа. Ее груди свободно колыхались под рыхлым трикотажем.

– Заходи, – сказала она по-пацански, с акцентом и пропустила их внутрь.

В прихожей тускло горела небольшая лампочка, коридор и комнаты – в полумраке. Похоже, что квартиру искусственно затеняли.

– Пр-роходите в зал, мне надо пер-реодеться, – сказала девица и удалилась в комнату.

– Это и есть твоя колдунья? – спросила Марта.

– Хардкорная, – Долина пожала плечами.

– Каждый разводит, как может, в этой Москве.

– Не дрейфь, подруга. Она реально дела делает. К ней депутаты ходят.

Марта и Криса прошли в зал. Тяжелые шторы плотно перекрывали путь уличному свету, тьму комнаты тускло подсвечивали две свечи. Обстановка профессионального шарлатана: круглый стол с хрустальным шаром по центру. Разбросанная по столу колода таро, старинные монеты и горка округлых камней. Вдоль стены стоял массивный шкаф с витринными полками, на которых шеренгой выстроились статуэтки каких-то уродцев, маски с гримасами и резные ларчики. Возле окна пылились два больших массивных сундука с железными ободами.

Пока ждали Фриэль, Марта присела за стол и заняла руки переключением камешков перед собой. Двенадцать штук, они на ощупь казали теплыми, даже горячими.

– Брось! – визгливым голосом окрикнула колдунья, появившаяся в темноте.

Марта вздрогнула от неожиданности.

– Кто тебе разр-решал тр-рогать это?! – с грассирующим акцентом ругалась мадемуазель. Ее кустующиеся белесые брови поднялись, как крылья белой вороны. Одетая она в полупрозрачную длинную рубаху. Волосы цвета зрелого одуванчика струились по плечам.

Марта отодвинула от себя камни. После этого выпада ей совсем не хотелось ни говорить, ни тем более доверяться этой юной мошеннице, которая, наверняка, специально коверкала слова. Но инициативу на себя взяла вездесущая Криса. Она рассказала о проблеме, сформулировала за Марту задачу. Колдунья заверила, что все решается.

Мадемуазель из шкафа достала связку ключей, со скрипом открыла амбарный замок, висящий на сундуке. Из сундука ударил запах гнили и какой-то незнакомой пряности. Фриэль копалась. Очень долго. «Сбежать отсюда», – единственная назойливая мысль не давала покоя. Криса подбадривающе кивнула. Переворотив содержимое, колдунья, наконец, вытащила куклу Вуду.

– Дер-ржи, – мадемуазель сунула в руки Марте тканевую игрушку, сшитую грубыми черными стежками.

Шарлатанка встала, подошла к серванту и взяла с полки затертую, изъеденную голубой коррозией медную шкатулку. С треском разомкнулся замок. Колдунья достала толстую цыганскую иглу и, пошептав на нее, протянула Марте.

Взгляд мадемуазель Фреэль был немигающим, направленным внутрь, в самую глубину души. И сейчас уже было очевидно, что это взгляд настоящей колдуньи. Марта растерялась.

– Сомнения не дают двигаться вперед, они разр-рушают дело, – вкрадчиво вещала мадемуазель. – И если р-решение пр-ринято, надо идти до конца.

Сердце бухало, рука предательски дрожала. Марта, выдохнув, вонзила иглу в живот куклы. Она брезгливо бросила куклу на стол и заметила, что зеленые глаза-пуговицы смотрят на нее так же проникновенно и глубоко, как смотрела на нее колдунья. Воронцова отвела взгляд.

...

Зеленые глаза Снежаны были задумчивы, она налиwała фруктовый чай. Кипяток наполнил чашу до краев и полился на стол. По ноге женщины струйкой побежала кровь. Выронив чайник, Снежана схватилась за живот. Стекланный сосуд разбился на мелкие осколки.

Глава четвертая

Шингай

Маленький толстозадый Вазгеныч сегодня обрядился в модные обтягивающие джинсы, приталенную футболку с надписью «Армани» и пах несносно душистым парфюмом. Наверняка, опять спровадил жену с отпрысками на отдых, а сам к Поляковой намылился. Встретил он Марту у своего магазина и повел куда-то в сторону Первомайского на окраину города. Обычно Вазгеныч просто адрес скидывал, а сейчас сам вызвался сопроводить. Станный Гурген сегодня какой-то. Суетливый, нервный. Когда он к зазнобе ездит, обычно веселый.

Прошли интернат, свернули с главной дороги и остановились возле рощи.

– Мы пришли, – сказал Вазгеныч и закурил.

Марта недоумевала, но ждала. Через минут десять, ревя мотором, подъехала старенькая иномарка. Из открытых окон глазели похотливыми взглядами мужики.

– Их четверо! – возмутилась Марта.

– Половину долга, я сказал! Уже забыла?!

– Нет, Вазгеныч, мы так не договаривались.

Марта развернулась, чтобы уйти. Гурген схватил ее за руку.

– Куда собралась? Иш, шустрая.

Воронцова одернула руку, но клешня армянина крепко удерживала ее. Он потянул в сторону машины. Выбежали двое парней, и, схватив Марту за руки, потащили в машину.

– Не-е-ет! Пусти, урод! – орала она.

Место возле рощи пустынное, здесь редко можно встретить людей или проезжающие машины. И сейчас в округе не было ни души.

– За урода ответишь, – парень в полосатой майке со всей дури толкнул ее на заднее сиденье, и сам плюхнулся мешком рядом. Машина отъехала.

В салоне воняло перегаром и тухлой селедкой. Чувак, сидящий слева от Марты, расслабленно откинулся на сиденье и закинул свою ногу на ее, самодовольно наблюдая за реакцией. Марта попыталась спихнуть его волосатую ляжку в зеленых шортах, но он придавил сильнее. Лучше не реагировать. Просто ждать подходящего момента.

Автомобиль выехал из города и довольно долго двигался по шоссе. Главное, не впасть в панику.

Машина повернула в сторону леса и минут через пять въехала в дачный кооператив. Марта старалась запоминать повороты.

Ворота открыл парень неславянской внешности. Лицо волевое, скуластое. Спортивного телосложения, небрит, на шее – цепь с кулоном в виде полумесяца.

Иномарка въехала во двор дачи. Двухэтажный сруб, рядом топилась небольшая баня, из трубы поднимался дым. Парни вывалили из машины.

– Марс. Глянь, какую шмару привезли, – обмениваясь объятьями с хозяином, сказал двухметровый мордорот со шрамом через щеку.

Тот, что угрожал Марте, грубо схватил ее за руку и потянул из машины. Подошел Марс.

– Че бушуешь, Рябой. Пусти женщину. Видишь, ей не нравится, – он говорил с акцентом.

– Борзая падла. Еще сбежит, – ответил Рябой.

– Зачем сбежит? Разве гость от гостеприимных хозяев бежать будет? Отпусти ее. – Марс обратился к Марте, – Пойдем, красавица. Ты на этого кретина не обижайся, зашибленный он чутка.

Гостиная с круглым столом довольно чистенькая и опрятная. Эта свара пропившихся головорезов явно не из этого дома. Иначе бы здесь стоял бедлам и полчища пустых бутылок. Хозяин отличался от своих друзей. В этой компании Марс явно был авторитетом, на Марту

при нем не покушались. Но Рябой смотрел сычем. Марс же старался проявить гостеприимство, достал дорогого вина. Воронцова вела себя скромно, а благосклонность хозяина принимала. Только он сейчас сдерживал эту свару.

После Марс повел ее в баню, попросил его парить. В парилке воздух сильно жгучий, трудно даже войти и привыкнуть. Марта прикрыла уши и села на корточки. Он посмеялся над ней, назвал тургеневской барышней и долго парился сам. Наконец-то с ведром воды выбежал на улицу, что-то прокричал непонятное на тарабарском. И вернулся. С его тела поднимались клубы пара. Разгоряченный и красивый сел на диван в предбаннике и обнял завернутую в простыню Марту.

– Массаж сделаешь?

– Конечно.

Марс распластал на кушетке свое могучее тело. Среди клиентов Воронцовой нечасто встречались мужчины в подобной форме. Она водила руками по широкой спине. Хоть и не знала техник массажа, но прикасаться было приятно, и руки сами делали щипки и поглаживания. Он расслабился. И рассказывал о своем близком человеке.

– Порезал я их. Всех, тварей, – нависла пауза. – Любил я сестру, вместо мамки она была.

Марс повернулся и прижался к Марте. Она достала заправленный уголок простыни на груди, махровая ткань соскользнула вниз. Колючая щека прильнула к ее голому животу. Воронцова гладила по жестким как проволока волосам. Большого, нежного, зверя. Марс неожиданно оттолкнул ее.

– Ты слишком хорошая. Не хочу я так. И братишкам не дам. Придешь ко мне, когда сама захочешь. Услышала?!

Марта робко кивнула.

– Пивка принеси.

Обмотавшись простыней и, прихватив мобильник, она вышла из бани. Легкие заполнил свежий воздух. Опустилась спасительная тьма. Вокруг – тишина, никакого движения. Из дома донесся взрыв пьяного гогота. Нет, Воронцова, туда не пойдет. За баней послышался шорох. Застыла. Может ее пасут? Из-за угла выбежал котейка и положил к ногам полудохлую мышь. С облегчением выдохнула и спешно направилась к воротам.

– Куда намылилась? – резанул тишину громкий окрик.

Из-за угла дома вышел Рябой, застегивая ширенку.

– Марс пиво просит, – нарочито уверенным голосом сказала Марта.

– За воротами пиво не наливают. Сбежать хотела?!

Рябой подошел так близко, что его заячья губа нависала прямо над ее глазами. Разило ацетоном. Воронцова попятилась. Бандюк прижал своим грузным телом ее к забору.

– Сделаешь по-тихому, отстану от тебя. А нет, так домой не вернешься, поняла? – тихо процедил он.

– Марс сказал не трогать меня, – Марта старалась казаться уверенной.

– С Марсом я разберусь, за ним есть должок.

В живот уперлось лезвие ножа.

– Усекла?

Рябой схватил ее за руку и потянул в дом.

В гостиной стояла дымовая завеса, упоротые в стельку выродки гоняли вбежавшего кота и ржали над его кульбитами.

Рябой тащил Марту по лестнице на второй этаж.

– Рябой, самый шустрый штоль? – окрикнул его бритый.

– Она сама хочет. И тебе, Гош, даст, – бандюк обратился к Воронцовой, – правда?

– Первосортная краля, – бритый хлопнул рюмку водки и занял огурцом.

В спальне Рябой сорвал простыню с Марты и толкнул на кровать.

– Подожди, Рябой. Давай все красиво сделаю. Танец хочешь? – она провела ладонью по бедру.

Его лицо просветлилось. Он сейчас походил на подростка-дауна. С блаженной улыбкой в ожидании любимого чупа-чупса. Рябой плюхнулся в стоящее рядом кресло.

– Валяй. Такая ты мне больше нравишься.

Марта крутила бедрами, поглаживала себя, бросала томные взгляды. Во время танца Рябой несколько раз порывался подскочить, но Марта останавливала его и продолжала воспалять его воображение. Наконец, она присела ему на колени. Дегенерат принялся остервенело ее тискать.

– Принеси вина и позови Гошу. Сообразим на троих, – заговорщически сказала Марта, отстраняя его грабли от своей груди.

– А ты хорошая. Какого ломалась?

– Цену набивала. За тройник накинешь?

Рябой хлопнул Марту по попе.

– Сука! – довольный поворотом, он вышел из комнаты, закрыв за собой дверь на ключ.

Оконная рама – деревянная, с потрескавшейся белой краской. Марта с трудом отомкнула щеколду. Попыталась открыть окно, оно залипло и не поддавалось. Руки била дрожь. Впившись пальцами в раму, дернула. Костяшки побелели, ноготь обломился глубоко, сдирая за собой кусок кожи. Брызнула кровь. Рама, предательски скрипнув, поддалась.

Тело трясло, ноги стали ватными. Марта схватила скомканную простыню, мобильник, влезла на подоконник и, на мгновение замешкавшись, выпрыгнула в окно. Приземлилась на траву. Прострелило в пятках. Едва оправившись, Марта обмоталась простыней и выскочила со двора.

Словно привидение, она неслась по пустынной улице. Больно бежать по грунтовке с россыпью мелкого щебня. Острые камни впивались в подошвы ног. Спрятаться негде, по обеим сторонам высокие заборы. Впереди маячила развилка, Марта, прихрамывая, устремила к ней.

Когда повернула, увидела деревянный забор дачного участка высотой ниже плеча. Воронцова ухватилась руками за край забора, закинула ногу. Подтянула вторую ногу, расцарапала колено о неотесанные доски и перевалилась на участок.

В саду темной стеной стояли пышные кусты, Марта сиганула в них, присела на корточки и притаилась.

Послышался рокот приближающегося автомобиля. Сердце выпрыгивало. Машина за забором остановилась. «Это конец», – стучало в голове. Рядом затрещала цикада.

Марта ощутила, как на ее плечо легла шершавая ладонь. Дернулась от неожиданности. Дрожь колошматила тело в ключья. Повернула голову и увидела над собой сухонького пожилого мужчину.

– Чего здесь делаешь? – тихо спросил он.

– Не выдавайте меня, умоляю, – прошептала она и склонила голову еще ниже, прячась под пышной листовенной лапой.

Рябой, подошел к забору и, заметив стоящего в кустах старика, спросил:

– Мужик! Бабу голую не видел?

– Какую бабу?

– Сестра сбежала. У нее чердак поехал, на людей кидается.

Мужчина молчал, будто раздумывал. Неужели он сдаст? Марта боялась дышать.

– Никто тут не пробегал?! – с нажимом переспросил Рябой.

– Может и пробегал, я че, пасу? – раздраженно выкрикнул хозяин участка.

Рябой харкнул и сел в машину. Заревел мотор, бандиты уехали.

Дачник Евгений Михалыч отпоил Марту чаем, одел в свою одежду, повез домой и настаивал на том, чтобы она обратилась в полицию. Но как Воронцова могла это сделать? Крайней оказалась бы она сама.

По облезлой стене струилась вода. Марта уже полчаса стояла в душе и не могла заставить себя выйти. Гадко. Оттого, что она увязла в этом дерьме, а главное, от того, что у нет никакого решения.

Затренькал телефон. Вылезла из ванной, накинула полотенце, взяла мобильный со старенькой стиральной машины. Это звонил Вазгеныч. Марта сбросила вызов. Телефон продолжал настойчиво звонить, отклонила вызов еще раз. Пришло смс с текстом: «Не отработала ты, отработает твоя дочь.»

Мобильный выпал из рук и, пикнув повторно, вывел Марту из оцепенения. Она выскочила из ванной и принялась лихорадочно собирать вещи в спортивную сумку. «Самое необходимое», – проговаривала вслух. Достала с антресоли коробку из-под конфет, набитую купюрами, документы, покидала в сумку спортивную одежду. Натянула джинсы, футболку, собрала волосы в конский хвост, задержалась перед выходом. «Не время печалиться», – подбодрила себя Марта и, выйдя, захлопнула дверь.

На площадке возле дома подростки играли в волейбол через натянутую веревку, увешанную выцветшим постельным бельем и огромными женскими трусами. С балкона вопила баба Настя на разгулявшуюся детвору. За площадкой возле забора дома престарелых стояла облезлая шестерка жигули. Воронцова закинула на заднее сиденье сумку, с третьей прокрутки ключа завела мотор и выехала со двора.

Жигули ехала по частному сектору на Зеленой. Старенькие одноэтажные домики стояли в четыре шеренги прямо рядом с центром города. Но никто их и не собирался сносить, город маленький, строился вширь. Марта свернула на Липовый переулок. Жигуленок бороздил брюхом ямы грунтовки.

Впереди кучковались люди вокруг полицейского автомобиля. Не доезжая до толпы, Воронцова припарковала машину, вышла и направилась к дому Шаповаловых.

Габаритная тетка, качая головой, шла навстречу. Марта обратилась к ней:

– Что там?

– У Шаповаловых дочь пропала, – ответила женщина.

– Какая дочь? Герда? – по лицу Марты пробежала судорога.

– Так у них одна только дочь. Она самая.

– Когда пропала?

– Вчера домой с танцев не вернулась.

У Марты задрожал подбородок.

– А вы кем будете? Родственница, чтоль? – спросила тетка.

Марта кивнула, развернулась и спешно направилась к машине.

– Эй, женщина, постойте! – донесся окрик. Воронцова не обернулась.

– Женщина, стойте, говорю! – ее нагонял коротышка-полицейский, перебирая изогнутыми по-кавалеристски ножками.

– А? – Марта не могла справиться с растерянностью.

– Старший лейтенант Свиридов, – представился он, акцентируя внимание на слове «старший». – Вы здесь проживаете?

– Нет.

– По какому поводу здесь оказались?

– Я... Мимо проезжала.

Полицейский с недоверием посмотрел на Марту.

– Документы при себе имеются?

Достала из заднего кармана портмоне, показала права.

– Воронцова Марта Игоревна, – прочитал лейтенант, – вы являетесь генетической матерью Шаповалой Герды?

– Да.

– Вовремя мимо проезжали, Марта Игоревна. У майора Швецова как раз к вам вопросы имеются. Проедем в отделение.

В кабинете дежурной части за спиной майора распростёрлась в полстены карта города с цветными подписанными стикерами, среди которых Марта заметила и стикер на Липовом переулке. Короткостриженный с проплешиной Швецов, назойливо раскачивался во вращающемся потертом кресле, опрашивая Марту:

– Есть свидетельские показания соседей Шаповаловых. Они утверждают, что частенько видели ваш автомобиль. Вы останавливались неподалеку от дома четырнадцать на Липовом переулке. Что вы там делали?

– Я приезжала посмотреть на дочь.

– Вы сдали ее в приемную семью, – Швецов взял паузу и заглянул в протокол, – чего вдруг через тринадцать лет любовь проснулась?

– Тогда я не могла оставить ее у себя.

– Вы следили за Гердой Шаповаловой? – въедливо возвращался к изначальному вопросу майор.

– Я же говорю, просто приезжала посмотреть на нее, – Марта говорила нарочито твердо, боясь проболтаться.

– Вы единственный человек из окружения – у кого есть мотив к похищению, – Швецов повысил голос, Марта вздрогнула.

– Не единственный... В сети магазинов «Березка» хозяин Авакян Гурген Вазгенович. Он грозился надругаться над моей дочерью.

– Когда это было?

...

Вазгеныча вскоре привезли в отделение, Швецов говорил с ним строго, но уважительно. На поставленный вопрос толстяк не торопился с ответом. Тщательно вытер пот на жирном лице салфетками, попил воды, удобно уселся, откинувшись в кресле и положив ногу на ногу.

– С семи до двенадцати я в сауне в друзьями мылся. Они подтвердят, – крылся Гурген.

– Какой сауне?

– На станкостроительном.

– А что за угрозы слали гражданке Воронцовой?

– Так она денег должна много. Я вообще понятия не имею, что у нее за дочь. Марта сама как-то рассказывала о ней. Дай думаю, припугну, чтобы не кинула меня, – нависла пауза. – Не верите?

– Вазгеныч, не верующие мы. Алиби проверим, с друзьями пообщаемся, – изобразил строгость Швецов.

– Вы их там не больно донимайте, уважаемые люди, – начал было Гурген.

– Разберемся, – прервал полицейский.

– Слушай, а как салями-то? Понравилась? – перескочил с темы Вазгеныч.

– Шеф хвалил, – смягчился майор.

– Так я еще передам. Арарат коллекционный пришел. Для хороших людей ничего не жалко!

– Телефоны друзей, с кем мылся, Свиридову скинь, – вернулся к деловому тону Швецов.

Гурген пожал руку майору, пообещал конфеты жене и, бросив злопыхательный взгляд на Марту, побежал по делам.

– Что с Воронцовой делать? – убрав протокол в папку, спросил лейтенант у Швецова.

– Мутная она. Насчет вчерашнего вечера ее показания не подтверждаются. Прессани легонько, – сказал он вполголоса.

Свиридов привел Марту в комнату для допросов. Елейным голосом рассказал о том, что для проформы розыскные мероприятия проведут, да и всяк оформят. А ей за лжесвидетельствование лет пять срока дадут.

– Я же говорю, дома была, – Марта стойко отвечала по десятому кругу на один и то же вопрос.

– Ваша соседка Зиновьева утверждает, что вы вышли из дома около восьми вечера, – с нажимом повторял Свиридов. Он ходил по кабинету и в момент очередного вопроса постоянно нависал над Мартой, то усевшись на стол, то приблизившись вплотную, так что ей приходилось задираТЬ голову. Он вперивался поросычьими глазками, стараясь произвести угрожающее впечатление.

– Я в магазин ходила, – Марта старалась быть хладнокровной. Надо выпутаться, найти Герду. Менты, кроме как запугиванием свидетелей, делом всерьез не занимаются.

– Врешь, сука! – лейтенант ударил кулаком по столу.

Марта от неожиданности вздрогнула.

– Не хочешь по-хорошему, будет по-плохому, – он рывком потянул ее за руку, она подскочила со стула.

– Раздевайся! – приказал Свиридов и потянул за футболку короткими, как обрубки, пальцами.

Марта инстинктивно толкнула. Вышло так, что он качнулся словно неваляшка, но удержал равновесие. Явно не ожидал выпада. Красный от гнева лейтенантишка со всей дури впечатал маленький пухлый кулак Марте в поддых. Она не могла вздохнуть, повело. Ударившись затылком о стену, погрузилась во тьму.

Кто-то похлопывал по щеке. Марта открыла глаза. Это Герда. Улыбающаяся Герда. Она сидит на корточках в длинной пижамной рубашке, из-под которой торчат острые коленки, поблескивая в тусклом свете лампы. Белые волосы ниспадают густой копной, щекоча прядями лицо Марты.

– Дочка! – Марта протянула руки к ангельски красивому личику. Ладонями обхватила мягкие как персик щечки, погладила шелковистые волосы. – Моя девочка!

– Симметрия, – мелодичным голосом сказала Герда.

– Симметрия?

Дочка кивнула. Она отстранилась, встала и пошла к выходу. У самой двери ее образ стал меркнуть, рассеиваясь в воздухе до мельчайших частиц.

Марта услышала скрип открывающейся двери и голос Швецова.

– Ты debil?! Я же сказал, легонько! – орал он на нерадивого подчиненного.

– Да я вообще пальцем не тронул. Психованная она, – оправдывался лейтенант.

Воронцова открыла глаза. Майор, нависший над ней, с облегчением выдохнул.

– Отпусти ее, – скомандовал он Свиридову.

Глава пятая

Москва

На тумбе светился бирюзой ночничок, тихо шумел кондиционер. Холодило лицо, шея мокрая, также как и лоб, и брови. Знобило.

Образ Герды из сна все еще стоял перед глазами, казалось, что она рядом, незримо присутствует. А, если прислушаться, можно услышать ее дыхание. Марта почувствовала, как лицо покрылось мурашками.

«Симметрия», – все еще звучал в голове знакомый мелодичный голос.

Марта вскочила, вырубил кондиционер, в комод нашла пижаму. Но ни одежда, ни свет не помогли справиться с паникой. Не сработало и чтение, мысли возвращались к Герде.

Дочь. В параллельной реальности она жила у приемных родителей. Почему та, другая Марта наказала свою дочь ненужностью?!

Воронцова в этой жизни сама знала, каково быть ненужной матери. Эта боль остается с тобой на всю жизнь. Выживать без родных она научилась, а вот быть нужной нет. И Полесскому не нужна тоже. И никому.

С утра позвонила Криса.

– Эти сны ужасны! – взволнованно рассказывала Марта, – мы должны с этим разобраться.

– Воронцова, мне не до этого, через две недели я улетаю. А сходи-ка ты лучше к мадемуазель Фриэль. Может она что подскажет, – голос Крисы был бодр, очевидно, что сны ее не тяготили.

– Временами я чувствую, будто Герда моя дочь, – у Марты дрогнул подбородок.

– Ну ты даешь! Выпей шампуски и мотни к колдунье. Ой, забыла главное! – Вскрикнула подруга. – Вчера в Квантиуме столкнулась с Полесским. Он спрашивал о тебе. Так что пора действовать.

Часть вторая. Сиамские близнецы

Глава шестая

Москва

Из мелких осколков собирался глиняный кувшин, как в реверсивном кадре. Кусочки разных форм и размеров кружились вихрем, и найдя свое место, встраивались, воссоздавая сосуд. Заставка прокрутилась, и на экране появилось поле для ввода пароля. Олег Соколов в приподнятом настроении начинал рабочий день.

Вот оно, его детище. Intouchet. За год после запуска сеть набрала два миллиона пользователей и продолжала уверенный рост. Стартапом интересовались инвесторы. На этом этапе Олег и его партнер Наум не торопились продавать долю, они планировали разогнать стоимость и приблизиться к статусу «единорога», когда компания оценивается более миллиарда долларов.

Соколов проверил статистику прироста. Обратил внимание, что за ночь закрылось рекордное количество аккаунтов.

В кабинет влетел Наум. Сальные взлохмаченные волосы шторой закрывали половину лица. Футболка заляпана пятнами соуса, а шорты горизонтальными складками провисли вниз, стремясь упасть с его худого зада. Наум жил в офисе безвылазно уже неделю, пытаясь докрутить новый объект.

– Ты видел?! – спросил он истерично.

– Видел. Что Артем говорит?

– Похоже на взлом, пытается разобраться. Но это самое... он не впендряет.

Компьютер подал сигнал пришедшего сообщения. Олег открыл мессенджер. Его приятель Шингарев написал гневное письмо о взломе аккаунта и распространении личных фото.

– Что за черт?! – Соколов переломил карандаш, оказавшийся под рукой.

У Наума зазвонил телефон.

– Доброе утро, Светлана Ефимовна! – подобострастно залепетал он. – Что?! – Нависла пауза. – Мы все исправим, Светлана Ефи... мовна. Бросила трубку.

– У нее тоже? – Олег заметил, как в нервной тряске запрыгало его колено.

За это время на аккаунт Соколова пришло еще двадцать два сообщения примерно одинакового содержания. Зазвонил мобильник. Он с ужасом смотрел на вибрирующий аппарат, сомневаясь, ответить ли. Звонок с незнакомого номера.

– Возьми, надо понимать масштаб катастрофы, – Наум плюхнулся на диван.

Это звонил Астафьев. Основатель компании Датанекс. Датанекс – монстр на российском рынке, закрывал несколько IT-ниш, в том числе разработку систем от хакерских взломов. Астафьев сказал, что в курсе происходящего и предложил встретиться в релакс-зоне на территории их компании.

В парке было людно: нечёсанные айтишники валялись на баркасных креслах, уткнувшись в макбуки. Сбившись кучками, спорили и бранились, используя нечеловеческую лексику. Попивали пиво и ели мороженное. Группа парней и девушек играла в волейбол. Из торгового прицепа две миниатюрные девушки шустро раздавали по требованию нахлынувшим посетителям еду. Салаты в контейнерах, бургеры, снеки и прочую ерунду. Как степные тушканчики продавщицы то становились в стойку, прислушиваясь к заказу, то стремительно пускались носиться в крошечном пространстве, умудряясь не сталкиваться между собой.

Астафьев с рожком мороженого поджидал в назначенном месте. Олег ранее видел его на конференциях. Но лично знаком не был. Со стороны он казался больше и солидней. Мега-

менеджер наяву был на голову меньше Соколова, худой и скрюченный. Хоть и маленький-плюгавенький, в нем читалась снисходительность, которую сильные мира сего считают необходимым носить на своем лице.

– Прогуляемся? Очень советую попробовать наше фирменное мороженое. Вкус как в детстве, потрясающий, – предложил он.

Олегу не терпелось перейти к сути, но тон задавал хозяин. Астафьев, будто забыл о цели встречи. Он увлеченно рассказывал о том, как повышает творческий результат психологический комфорт сотрудников. Приводил статистику, рассказывал о своем опыте. Меж тем, как он уводил разговор от главного, он уводил Олега от толпы, вглубь парка, плотно заросшего деревьями. Наконец, тропинка привела к деревянной беседке, где они и разместились.

– Знаешь, у нас зимой даже лыжи выдаются, – продолжал свой монолог Астафьев.

– Все это здорово, – Олег нервничал, его раздражала болтовня. – Так чего вы меня позвали, Петр Александрович?

– К делу, так к делу. Приложение у тебя модное, темпы впечатляют. Но чего ж ты, Олег, не позаботился о защите? Вся тусня гудит о том, что сломали тебя, а ты ничего сделать не можешь.

– Честно говоря, не ожидал, думал мои орлы все правильно делают. Наверно, пришло время к профессионалам обратиться.

– Согласен.

– Не могли бы ваши люди оценить масштаб проблемы и предложить контракт? – Соколов перешел к главному.

– Не буду тянуть кога за хвост, у нас есть встречное предложение. Хоть твой бизнес и подающий надежды, но он явно слабенький. Ни профессионалов, ни денег у вас не хватает. Я хочу выкупить часть твоих акций и подсобить тебе ресурсом.

– Петр Александрович, мы еще не продаемся. Надо пару годиков выждать, баги убрать, пользователей нарастить.

– С такой защитой тебе год не протянуть.

– Так вы поможете?

– На наших условиях.

– И в чем заключаются ваши условия?

– Мы устраняем проблемы, защиту от взломов берем на себя, инвестируем в развитие миллион долларов, а ты нам отдаешь пятьдесят один процент.

– Не пойдет. Через два года я выведу проект на единорога и получу гораздо больше. Тем более, я не собираюсь отдавать контрольный пакет.

– Нет – так нет. Обычный клиентский контракт мы составлять не будем. Не интересно.

– Всего хорошего, Петр Александрович! – Соколов, не протянув руки, вышел из беседки и стремительным шагом направился прочь.

Олег понял, что пришло время бороться за свое детище. Беззаботное детство проекта окончено, он вошел в пубертатную стадию. Желающих пристраститься к молодому телу множество, но проект еще не стоял на ногах настолько, чтобы с кем-то вступать в равноправные отношения.

Соколов нанял дорогого безопасника с хакерским прошлым Митю Зайцева. Тот не без труда нашел уязвимые места в программе, поправил. По каким-то ему очевидным признакам, атака была организована Датанексом, хоть прямой связи установить так и не удалось.

За это время в сети закрылась треть аккаунтов. Проект отбросило назад, и с испорченной репутацией его перспективы были туманны.

Но, что было, то было. Соколов был намерен продолжать бороться и начал задумываться о том, чтобы перебраться Кремниевую долину.

...

– Без меня, Олег, – Даша была непреклонна. – Я несколько лет билась за эти деньги. Десятки онкобольных ждут. Через неделю будет решение конкурсной комиссии. Мы должны выиграть, Панин уверен в этом.

Соколов уважал жену. Она всегда для него была образцом чести и благородства. Даша никогда не ставила свои личные интересы выше помощи нуждающимся. У нее настоящая миссия, призвание. Она стремилась изменить этот мир к лучшему, и надо сказать у нее получалось. Из обычного волонтера Даша переросла в хозяйку благотворительного фонда. За спиной – десятки спасенных жизней, сотням оказана посильная помощь. И теперь она по праву должна получить грант, на который претендовала уже три года. Конечно же, Дашуля не могла уехать из страны, ее ждали нуждающиеся. Решение о переезде отложили на неопределенный срок.

Но жизнь помаленьку налаживалась. Олег с Наумом решили в приложении сделать платные фильтры бесплатными, народ снова потянулся в сеть. Не так быстро, как хотелось бы, но все же.

Секретарь Ариша принесла ароматный эспрессо, Соколов врубил любимый Джудас Прист. Утро было добрым, за сутки зарегистрилось пять тысяч.

В кармане завибрировал мобильный, это звонила Даша.

– Привет, солнце! – Олег был рад услышать жену, в рабочее время она звонила редко.

– Олег... – нависла пауза, – меня подставили.

– Что?

– Статья про отмыв денег.

– Какая статья?!

– Загугли Фонд Соколовой, – Даша разревелась и отключила телефон.

Долго искать не пришлось, ночью статья вышла на «компромате», наутро ее уже перепечатало несколько сайтов.

Пять лет назад Даша только зарегистрировала свой Фонд, денег еще не было, а нуждающиеся уже обращались. Родственник Наума Богдан держал подпольное казино. Он предложил помощь Фонду в обмен на обналичку денег. Даша поначалу отказала. Но когда вопрос встал о лечении тяжелобольного ребенка, она пошла на риск и сделала несколько транзакций через Фонд. Грязное сотрудничество не затянулось. На бизнес Богдана начались наезды, он перепрофилировался. Благо, в налоговой проверки прошли гладко, история поросла мхом. Но сейчас информация откуда-то всплыла, засветился криминальный контрагент, вскрылась схема отмыва.

Машина включилась, заработала четко и слаженно. Все потуги юристов, нанятых Олегом, разбивались на корню. После пораженческой борьбы Даша оказалась в СИЗО.

Судя по всему, ублюдок Астафьев запустил эту чертову статью. Посадив жену Олега, он тут же предложил свою помощь. Подонок, все же выкрутил свои условия. И Олег подписал документы. Ради Даши.

...

За огромным конференц-столом Астафьев сидел как скрюченный гном, источая омерзительные запахи подгнивающей плоти. Сухая кожа его лица провисала, повторяя изгибы черепа. Хотелось размазать его довольную физиономию тут же, не отходя от кассы.

– Теперь партнеры, – Астафьев улыбнулся одной стороной лица.

Колено Олега опять предательски запрыгало.

– Могу я рассчитывать, что вы не будет лезть в операционную деятельность?

– Хозяйничай, как считаешь нужным, – Петр Александрович поставил свою подпись. – Да не нервничай ты!

Олег нервничал. Сильно нервничал. Судья изменил меру пресечения. Но жизнь с этого момента изменилась, будто на Соколова набросили невидимую удавку. После возвращения Даши Олег напился прямо в офисе. Проорался на сотрудников, перевернул стол программиста, разбил компьютер и заехал по фейсу Науму, который пытался его успокоить.

Когда Наум привез его домой, Соколов с початой бутылкой плюхнулся на диван, высосал остатки виски. Его накрывал сон, унося через пространственно-временной туннель в неведомую даль.

Глава седьмая

Шингай

В хрущевской квартире Олег проснулся с бодуна помятый. С трудом встал, шатаясь, добрался до клозета. Проблевался кислятиной. Вытер тыльной стороной ладони рот.

– Твою мать! Приснится же такое.

Взгляд зацепился за тест на беременность, лежащий в мусорном ведре. Олег достал его и увидел две полоски. Душа ликовала! Пытаясь встать, поскользнулся, упал. Мать его! Не расшибся.

На маленькой кухоньке жена жарила яичницу. Соколов поднял Дашу на руки и попытался кружить, но оступился.

– Пусти, дурак! – сердилась она.

Олег поставил Дашу на пол и облобызал.

– Вонючий! – жена брезгливо обтерла щеку ладонью. – Что?!

– Бе-беременна?! – с придыханием спросил Олег.

– Да, – ответила Дашуля на удивление спокойно.

– Значит, ввали. Врачи ввали! – Соколов ликовал.

– Чего ты радуешься?

– Дашут, мы справимся. Обещаю, я пить брошу, работу найду. Тебя на руках носить буду.

...

Олег, побритый, причесанный в хорошем настроении подходил к проходной машиностроительного завода. Он направлялся к Адашеву в надежде, что тот по старой памяти сможет ему помочь.

Кабинет у Адашева теперь большой, все-таки замдира. И сам разъелся, кабан. Окончательно облысел. Единственная растительность на голове – кустящиеся пшеничные брови. А когда-то был видным красавцем, бабы под него пачками прыгали. Он сидел за широким столом, заваленным кучей бумаг. На столе по старинке стояли несколько телефонных аппаратов. Шумно работал вентилятор.

– Перерыв в работе сильно большой... Ты же еще со старым оборудованием работал. Сейчас техника современная, твоей квалификации не хватит, – начальник рылся среди бумаг, нашел в глубине документ, протянул. – Вот смотри, инструкция. Вишь, ниче не понятно. Изменилось все.

– Электрика – она и через пятьдесят лет электрика. Я сориентируюсь, – Соколов понимал, что будет непросто. Но он намерен бороться.

– Нет, Олег. И твои проблемы с этим делом, – Адашев, постукивая пальцем на шее, намекал на пьянство.

– Альберт Маратович, у меня жена беременная. Не пью я... Возьми, пожалуйста, не пожалей. Я тебе порядок во всех цехах наведу.

– Не могу, Олег, извини. Шеф на новых технологиях повернулся, все у него должны быть переученные. Башку оторвет, если возьму тебя. Сходи-ка ты лучше в дачный кооператив, там вроде второго сварщика искали. Помнится, ты и варить наловчился.

...

Здание дачного товарищества – деревянный домик с облезлыми синими стенами. Здесь хранился инструмент, рабочие за рюмкой водки обедали принесенными из дома харчами. Здесь же начальник товарищества Макар Данилович Кривошеин принимал просьбы и жалобы садоводов.

Когда вошел Олег, Данилыч, удобно развалившись в облезлом велюровом кресле с сигаретой в руках, смотрел сюжет про рыбалку. Маленький пузатый телевизор с торчащей антен-

ной стоял на сейфе и показывал рябое изображение. Кривошеин – мужик без возраста. Вроде матерый, а не стареющий. Поджарый и загорелый круглогодично. Лицо морщинистое, лукавый с прищуром взгляд его молодит. Независимо от времени года, Данилыч носил штаны цвета хаки и бессменные кирзачи. И сейчас он сидел с голым торсом, так и не сняв свои стоптанные сапоги. На улице жарило несносно. А в кабинете полная душегубка.

– Здорово, Данилыч! – Олег протянул руку.

– Олег, ты что ли? С чем пришел? – крепкая мозолистая рука Кривошеина сжала потную ладонь Олега.

– Адашев сказал, что ты второго сварщика ищешь.

– Есть такое дело. Временно, на пару недель. Трубы после зимы дырявые, латка на латке. И те текут. Надо в порядок привести, в две смены поработать. А ты помочь хотел?

– Мне, вообще-то, постоянная работа нужна. Но я помогу. На заводе приходилось сварщика замещать.

– Вот и ладненько. Подойди к Айрату, он возле девятнадцатого участка варит.

Глава восьмая

Шингай

Пока варились макароны, Олег переворачивал шкворчащую на сливочном масле докторскую колбасу. Хлопнула входная дверь.

– Дашутка, я весь в тебя влюбленный! – крикнул Олег и выключил огонь.

На кухню вошла жена. Она выглядела вовсе не радостной. Даже ее платье как-то грустно свисало на бедрах, подчеркивая усилившуюся худобу.

– Ну чего ты хмуришься? Все будет отлично, – подбодрил Олег.

– Ты сегодня трезвый. Странно, – Дашуля включила строгача, но на самом деле она растеряна.

– Данилыч из дачного товарищества на работу взял, – радостно отрапортовал Олег.

Даша молчала в ответ. «А груди ее, в отличие от бедер, налились яблоками», – отметил Соколов. Она сейчас походила на студентку, в которую он влюбился по юности. Даже морщинки ее разгладились, несмотря на хмурость.

– Я же сказал, пить брошу. Работа временная, но я зацеплюсь, вот увидишь! – заверял Олег. – Пошли есть.

– Переоденусь, – жена лишь вздохнула.

Олег и взаправду не пил, старался держать в бодром настроении себя и Дашу. Спальню он решил оборудовать под детскую, расчертил план. Он соберет кровать, шкаф, пеленальный столик своими руками.

На лесопилке Олег у товарища заказал доски, с женой обсудил дизайн комнаты. Она так и не начала улыбаться, как бы ни старался. Видимо, стрессовала жена. Слишком долго она ждала беременности, так что и надежды не оставалось.

В семь утра Соколова разбудил звонок мобильного.

– Здорово, Олег! – спешно поприветствовал Данилыч. – Слушай, у нас тут форсмажор. Айрат запил. Выйди, две смены отработаешь, я тебе двойную ставку оплачу. Вчера садоводы с крайних участков жаловались, что вода не доходит, напора нет.

Луч сварки медленно двигался по трубе. Палило солнце. По лицу струился пот. Олег выключил аппарат, снял маску, дрожащими руками взял примятую бутылку и с жадностью напился. Ни единого облачка, даже птицы притихли от несносной жары. Подошел Данилыч.

– А я смотрю, ты шустренько седьмой участок прошел. Передохни, Олег, посиди в тенечке. На таком солнцепеке сам сварись, – Данилыч закурил. – Мне тебя по-человечьи жаль, но помочь некому.

– Трубы гнилые, живого места нет. Закончу этот и отдохну.

– Ну смотри, сам знаешь, – вздохнул Данилыч.

Вечерело, дело сделано. Олег потянулся за водой, пару глотков, и бутылка пустая. Встал, поднял сварочный аппарат. По телу побежала судорожная дрожь. Закружилась голова, ноги подкосились.

Очнулся Олег в машине скорой. Врач сказал, что произошло наложение: абстинентный синдром, обезвоживание и перегрев. Его прокапали, да и отпустили. Правда, Даша сильно переволновалась. «Значит, не все потеряно, остались еще чувства-то», – Олегу нравилось, как жена хлопчет вокруг него. Наутро и отпускать на работу его не хотела, но Олег – кремень, потерять место он никак не мог.

В камерке за дверью стояла ругань. Соколов дожидался в подсобке. Выпроводив недовольных садоводов, шеф пригласил Олега к себе.

– Быстро тебя на ноги поставили, напужал ты меня, – раскрасневшийся Данилыч протянул руку.

– Сегодня десятый участок брать? – Соколов старался казаться бодрим.

– Присядь. У меня к тебе разговор есть.

Олег настороженный сел.

– Не напрягайся ты так. Я хочу тебя на работу взять. Айрата увольняю, толку, я смотрю, с него мало. Ты быстрее, а, главное, качественнее работаешь.

– Спасибо, Данилыч! Как тебя отблагодарить-то?

– О чем ты говоришь?! Без тебя у меня работа встанет.

– Понял, сам соображу.

– Да, ладно. Если не терпится тебе, можешь проставиться. Вечером ко мне товарищ заедет с сельсовета... Да и будет с тебя, соображатель.

– Не пожалеешь, Макар Данилыч!

– Хорош сопли жевать. Седня бери десятый.

– Уже взял! – Олег счастливый вышел из кабинета.

В конце дня он сбегал в местную лавку. Взял хорошей водки, закуси. У него очень кстати оказались при себе деньги, которые Даша дала на оплату счетов. Когда вернулся, в коморке Данилыча уже сидел его друг Самсон Никитич. Худой, коренастый, в сером примятом костюме и расстегнутой на все пуговицы рубашке. От него шел несвежий выхлоп, но взгляд был острый. Сморд сигаретного дыма висел густой пеленой.

– Тяжелая у нас работа. И с депутатами надо порешать, и с коммерсантами, и все через печенку. Почиститься хочу. В выходные на Волгу махну на рыбалку. И сухой закон там. Может и ты со мной? Попостимся вместе, – говорил Никитич.

Олег принялся разбирать пакеты и накрывать на стол. Кривошеин достал стаканы, сдул с них пыль, открыл водку и разлил на троих.

– Не могу пока, работы много. В воскресенье собрание с садоводами, отчитаться надо. К июлю можно будет выбраться, когда накал спадет.

– Данилыч, я не пью, – напрягся Олег.

– И это правильно. Но за назначение рюмку кинь с честной компанией, – настоял шеф.

– Поляну выкатил, а гостей не уважишь, – подключился Самсон Никитич.

– Давай уже, писят грамм и домой беги к жене, – Кривошеин протянул стакан.

Не отпустили Олега мужики после первой, а потом он и сам остановиться не смог. На голодный желудок развезло. Но ничего, пока дотопаёт до дома, все выветрится. Данилыч – святой мужик, по-отечески к нему отнесся. Где еще в городе работу найти? Нет сейчас работы нигде.

Какой же славный вечер выдался! В садах загудели цикады, воздух насытился ароматом заповедной травы. Дышалось полной грудью. Олег шел и представлял себе детскую в нежных салатных оттенках. Любит он цвет травы и цвет солнца. Так и покрасит мебель, чтоб малыш круглый год радовался. А еще фотообои надо купить с пейзажем. Чтоб река была или пруд.

Уже у подъезда Олега качнуло. Видно, водка все еще доходила. Но ничего, Даша простит, новость – бомбовая. Дверь открыть своим ключом не вышло. Будто замок сменили. Поковырялся, поковырялся, да и позвонил. Придется будить Дашутку, спит она в это время обычно.

А жена, похоже, и не ложилась, одета как на выход. В дверь ровно войти не вышло.

– Дашуут, а у меня хорошая новость! – выпалил Олег.

Жена скривилась. Он не любил это выражение лица.

– А чего ты такая грозная? Данилыч работу дал постоянную. А Айрата уволил.

Она молча развернулась и ушла в спальню. Олег, раскачиваясь, пытался снять ботинки.

– Дашут, ты куда?

Не справившись со шнурками, он поплёлся в спальню. Жена доставала из шкафа вещи. Олег подошел, обнял любимую.

Она толкнула его так, что он качнулся и плюхнулся на кровать. А она продолжила спокойно укладывать кофту в раскрытый чемодан.

– Я ухожу, – произнесла Даша.

– Уходишь?! Куда? – Олег ничего не понимал.

– К Роберту.

– Что?! К этому та-ра-кану?

Жена сняла ворох платьев с плечиков, кинула в чемодан.

– Это правда?

Даша продолжала укладывать вещи.

– Как?! – Олег потер лоб. – Ты же не такая!

– Какая еще такая?! – Даша со злостью утрамбовывала вещи. – Все эти годы я терпела твое пьянство. Ждала, когда, наконец, человеком станешь. Прости.

Олег повалился на кровать, отвернулся к стене. Щелкнул чемодан. Затем хлопнула входная дверь. И наступила тишина.

Цветная горсть таблеток выглядела набором леденцов. Давясь, Олег проглотил все до одной. Он горько рыдал.

Глава девятая

Москва

Олежка звучно храпел, когда Наум на кухне за чашкой чая рассказывал Даше что к чему. Сначала Астафьев организовал хакерский взлом, но, когда ребята не пошли у него на поводу и справились сами, Астафьев достал главный козырь – он вскрыл историю с отмывом денег через Дашин фонд. А потом этот интриган напряг свои связи, чтобы дело прикрыли, за что Олегу пришлось отдать шестьдесят восемь процентов акций.

Даша ощущала себя так, будто по ней проехался десятитонный грузовик. Опустошение и полное бессилие. Все планы и ожидания рухнули одновременно. Как она будет смотреть в глаза ожидающих ее помощи детей?! Хотелось просто исчезнуть, пропасть. Она подвела всех. Эти крох, лежащих на аппаратах искусственного дыхания. Подростков, мечтающих о полноценной жизни. Тех, у кого мало шансов выжить. А сейчас и она, и ее прежде успешный муж оказались на обочине жизни. Немощные и порицаемые обществом.

– Не грусти, Дашка, – Наум отхлебнул бардового каркаде и звучно разгрыз ванильную слойку.

– Не грусти?! Или мне послышалось? – Дашу потрянуло от таких слов. – Ты такой весь себе молодец! С тебя как с гуся вода! А по чьей просьбе я деньги отмывала?!

– Даш, ну это же твое решение, – он издевательски хмыкнул.

– А почему твою долю при разделе не тронули, а только Олега?! – Дашу колотило, она едва не срывалась на крик.

– Да потому что у меня и отрезать нечего. Мои семь процентов им не интересны! Соколова, угомонись, а?!

– Да пошел ты!

Наум Даше всегда не нравился. Сволочной он какой-то. И зря ему Олег так доверился.

– Как скажешь, – зло прошипел он и выбежал из квартиры, хлопнув дверью.

Потрясывало, Даша достала заначку на черный день – припрятанные сигареты, которые она себе позволяла по особым случаям. Выкурила одну, но не накурилась. Взяла другую. Храп из комнаты уже не доносился. Олежка спал тихо-мирно. Она сейчас свалится рядом с ним, прижмется к его худощавому телу. И почувствует себя, как прежде, в полной защищенности.

Муж спал, отвернувшись к спинке дивана и не издавал ни звука. Его рука заломлена назад, а ладонь забавно растопырена. Даша прилегла рядом, едва не свалившись, обхватила слегка провисший животик.

– Эй, подвинься, – тихо сказала она.

Олег даже не пошевелился.

– Ну ладно, я уйду, – пригрозила игриво.

Тишина. Даша потрясла Олега. Словно куклу, без чувств и без жизни. В душе прострелило. Даша подскочила, склонилась над мужем и увидела, что у него свесился язык.

Бригада медиков прибыла очень быстро: база скорой помощи находилась в нескольких кварталах. Врач диагностировал асистолию, полную остановку сердца.

– Дефибриллятор в этой ситуации бесполезен, – прокомментировал медик, – когда есть фибриляция желудочков, разные области сердца сотрясают его одновременно с разных направлений, но они не дают размеренных ударов. Током можно запустить сердце, заставляя работать разные участки в унисон. Но в нашем случае – асистолия. Внутри клетки просто нет электролитов, способных создать импульс. В такой ситуации разряд ничем не поможет.

– Доставай прибор и делай свою работу! – едва держась на ногах, выпалила Даша.

– Женщина, я же вам объясняю, поздно уже, – врач вынул бланк из своего портфеля.

– Доставай эту хрень! – заорала она.
– Не мешайте работать, – огрызнулся доктор и обратился к медбрату, – зафиксируй смерть.

– Что?! – прохрипела Даша и кинулась в соседнюю комнату.

Через мгновение она появилась с пистолетом в руках. Направив дуло на врача, Соколова скомандовала:

– Доставай аппарат!

Доктор с недоумением посмотрел на нее.

– Немедленно! – срывающимся голосом крикнула она.

– Ладно, ладно.

Врач и медбрат начали реанимационные действия. Удар за ударом, но сердце на заводилось.

– Вот видите, – с укоризной сказал медик, – уже двадцать ударов током! Если бы его можно было запустить, оно, как старый мотор, подавало бы признаки жизни. Хотите еще?!

– Продолжай, – твердо обрубил Даша, – не спуская дула.

Двадцать три, двадцать четыре.

– Пять тысяч вольт! – скомандовал врач медбрату и приставил лапы дефибриллятора к груди Олега.

На кардиомониторе прямая линия сменилась синусоидой, амплитуда которой угасала. Во взгляде доктора читалось недоверие:

– А ну давай еще.

Удар, удар, синусоида появлялась и угасала.

– Ну?! – врач издевательски спросил у Даши. – Хочешь еще? Прожжем его как следует?!

Она опустила пистолет, подошла к Олегу и присела на корточки. Соколова прильнула щекой к растопыренной холодной ладони.

– Любимый, ты мне нужен. Прошу, вернись, – бормотала она, – мы должны родить ребенка, ты же этого хотел. Я готова, слышишь, готова.

– Отойдите от пациента! – властно прозвучал голос врача.

Даша спустилась на пол, обхватив колени. Весь мир замер в этой пустоте, где не было логики и здравого смысла. Что происходит?! За что?!

Следовал двадцать восьмой удар, на мониторе пошла устойчивая синусоида, сердце забилося.

– Вообще-то, это чудо, – доктор вытер пот со лба.

Опасения врачей о повреждении мозга не подтвердились, Олег быстро восстанавливался.

Глава десятая

Москва

В конце недели Олег пригласил друзей на чай. Всех, кроме Димы. С последней вечеринки этого прощельгу так никто и не видел. Его подружка Ларка сказала, что он улетел по важному делу.

Криса, словно райская птица, в люминесцентно-оранжевом коротком платье щебетала без умолка. Красавец Макс настойчиво обхаживал Криску, сколько Даша их помнит. Но моделька его воспринимала как данность, использовала по полной, то давая шансы, то забирая их назад. Слишком она озабочена своей карьерой, тем более что и возраст модельный уже поджигает. Индустрию брали штурмом юные нимфетки. Долина не сдавалась, и сейчас она почти у цели. Макс Кузнецов – финансовый менеджер, завидный жених. И чего Криска брыкалась, Даша не понимала. Хорошая была бы пара.

Сегодня Кузнецов выглядел хмурым, отшучивался дежурными фразами. Видимо, предстоящий отъезд Крисы его огорчал. Ее не будет в Москве аж четыре месяца.

Марта пришла в джинсах и широкой вытянутой футболке, в балетках и без макияжа, ее не узнать. Главная перемена в ее взгляде: игривость и сексапильность сменились беспросветной тоской.

Даша обняла подругу. Наверное, она сама выглядела точно также, ведь в душе чувствовала себя надломленной и не находила сил радоваться.

Пытаясь отвлечься, Даша решила собственноручно покулинировать, сварганить что-то к чаю для гостей. Раньше стряпня ее спасала. Но в этот раз, механически взбивая и раскатывая, она продолжала варить в голове произошедшее. Наполеон, черничное суфле, миндальное печенье, ванильный пудинг. Гости оценили ее усилия, особенно был в восторге Роберт. Он уже пил третью чашку чая с куркумой и перепробовал все угощения, выставленные на столе. Прервав светскую болтовню, Олег обратился к присутствующим:

– Друзья! Я хотел спросить... после нашей последней встречи в Квантиуме, вы никаких странностей не замечали?

– Замечали, – тут же отозвалась Криса.

– Дело в том, что во снах я проживаю другую жизнь. Каждую ночь мне снится жизнь алкоголика Олега из городка Шингай. Причем там я уверен, что жизнь айтишника – сон.

– Да, ладно! – опять встряла Долина. – Мы с Мартой думали, только у нас эта шиза. Типа мы в той жизни – нищие, живем в загопинске.

– У меня та же хрень! – удивился Макс.

– В снах Дашка от меня ушла к Роберту, – сказал Олег.

Даша заметила, как у мужа опять запрыгало колено. Чашку чая, которую она подносила ко рту, робко поставила на стол.

– Дашуль, у тебя в снах ничего не происходит? – спросил Олег, испугавшись собственных умозаключений.

Даша с расширенными от ужаса глазами, кивнула.

– Да, я ушла к Роберту. Ты – алкоголик. Там, я имею ввиду.

– Ох, ни хуя... извините, – Макс опрокинул на себя чай, заляпав свой дорогуший франтоватый костюм. Даша подскочила искать пятновыводящие салфетки. Ей не хотелось продолжать компрометирующий ее разговор. В жизни она ни за что не бросила бы Олега. В снах жила другая сущность, которую Даша никак не могла понять.

– А ты че молчишь, Роберт, – Олег уставился на него.

– Нечего добавить. Я поражен, – Бирюков покачал головой.

Даша старалась не смотреть на него. Стало очень неловко после избличения ее снов.

Когда-то еще до депутатской карьеры Роберт преподавал в пединституте философию. Даша училась у него, он тогда был молоденьким аспирантом, пользующимся вниманием у студентов. Позже в их дружеской компании Бирюков появился с ее подачи. Когда Макс искал связи в депутатской среде для лоббирования банковских интересов, Даша их познакомила. К тому моменту Роберт развелся, и отвлекая себя от дурных мыслей, органично влился в их тусовку.

Марта застыла, оцепенело уставившись на свою чашку, видимо, как и остальные прокручивала в голове вышесказанное:

– А я в той реальности потеряла дочь, и каждую ночь мне приходится проживать эту историю.

– Получается, мы все параллельно живем в другой реальности, которая происходит в снах, – подытожил Олег.

– А какая реальность реальнее? Каламбур какой-то получается, – Макс потянулся за порцией фруктового желейного тортика.

– Когда Даша от меня ушла в той реальности, я наглотался таблеток, – сказал Олег, – а в этой реальности у меня произошла остановка сердца. События в одной реальности влияют на события в другой. Они связаны!

Марта с Крисой перешептывались, похоже, о чем-то спорили. Воронцова возмущенно качала головой. Олег, как и остальные, заметил это:

– Марта, делись со всеми, мы теперь в одной лодке.

– Это... личное.

– Я услышал «заговор». Выкладывай, мы должны понять, что происходит, – призвал Олег.

– Выглядит глупо, – белое лицо Марты залилось красной краской, – я сделала заговор. А потом во сне похитили мою дочь Герду.

– Заговор это что? – спросил Олег.

– Типа колдовство, – пояснила Криса.

– Ниче себе. Получается, наши сущности связаны между собой. За проступки в одной жизни приходит расплата в другой жизни, и смерть одной сущности – скорее всего приведет к смерти другой, – задумчиво заключил Олег.

– Сиамские близнецы, получается, – подытожил Роберт и кинул в рот очередную печеньку.

– Может это, к врачу нам всем? – спросила Криса.

– В снах мы видим выстроенные сюжеты, которые продолжают и логически развиваются. Это не просто сны, это другая жизнь, – ответил Олег.

– Это все началось с той вечеринки с Димой, с его шаманской травы, – отметила Даша.

– Пока мы не разберемся со всем этим, надо присмирить свое эго и стараться не куролесить. Иначе это аукнется в другой жизни, – Олег был очень серьезен.

Глава одиннадцатая

Москва

Утром в понедельник Олег вышел на работу, провел совещание. Народ как-то странно реагировал на него, люди косились, поддерживали общий разговор, но казалось, что-то утаивали. Позвонил Астафьев, попросил подъехать.

Он пил кофе, когда пришел Олег.

– Эспрессо? – предложил он.

– Нет, спасибо, – отрезал Соколов. Приторный тон Астафьева не сулил ничего хорошего.

– То, что произошло, очень серьезно. Надо свое здоровье беречь, а ты сразу за дела кинулся.

– Все нормально с моим здоровьем.

– Олег, я тебе хотел предложить правильное решение, – начал Астафьев.

– Слушаю.

– Ты по своей сути идеолог, стратег. Ну зачем тебе закапываться в операционку, она тебя съедает, нервы треплет.

– Не понимаю вас.

– Если сделать так. Нанимается иностранный менеджер с охрененным опытом в развитии стартапов, а ты занимаешься чем тебе и положено, стратегией. Не нравится нам, что сейчас творится в компании. Маркетинг надо делать, опции расширять. Программисты обленились, продвижения вообще ноль. Зато у тебя видение расширится, когда ты будешь сверху смотреть, а не внутри ковыряться.

– Мы же договаривались, что вы в операционку лезть не будете, – Олег почувствовал, как заходили желваки.

– Так я и не собираюсь. Ты же сам говорил, что пришло время специалистов набирать.

– Я не согласен. Я останусь и выправлю ситуацию.

– Олег, ты не понял. Нас не устывает твое руководство. Мы приняли решение тебя отстранить.

– Вы чего?!

– Займись своим здоровьем, Олег, – Астафьев отхлебнул кофе.

...

Решение пришло само собой. Оно казалось легким и единственно верным.

– Фонду в гранте отказали. Нас, по сути, уже ничто не держит. Мы можем начать все сначала на другом уровне. Там ценят таких как мы, найдем друзей, партнеров, – уговаривал жену Олег.

Даша вытирала пыль. Когда она нервничала, всегда хваталась за тряпку несмотря на то, что домработница искусно справлялась.

– А как же фонд? – наконец спросила она.

– Закроем, сделаешь новый. Помощь больным нужна во всем мире. Вон, Джоли, кому только не помогает: и Эфиопии, и Камбодже. А меценатов в долине намного больше.

– Возможно, – после всего обрушившегося Даша уже не была категорична, – может и вправду там будет лучше.

Сражаться с Астафьевым силенок у Олега не было. Пусть делают что хотят, рулят как считают нужным. А у него высвободится время на новый проект. Пара идей в заглазнике завалялась.

– Неужели тебе не жалко бросить Интачер? Ты же столько вложил, – прервала нависшее молчание жена.

– Не жалко, – с фальшивой твердостью произнес Олег.

Олегу позвонил Роберт, предложил пообедать в Шантеле. Странно, они приятельствовались, общались в одной компании, но близкими друзьями не были. Бирюков настоял, чтобы они встретились без Даши. Хотя общих тем у нее с Робертом явно больше, чем у Олега.

Встреча произошла в отдельном шатре. Роберт наминал какую-то овощную бурду и запечённую камбалу, когда пришел извиняющийся за опоздание Олег.

– Ниче, ниче, у меня есть время, – Бирюков радушно протянул руку.

Подошел официант. Соколов, не изучая меню, заказал пиццу с морепродуктами и деревенский салат.

– Слушай, Олежек, слышал, вы в долину собрались, – начал Роберт.

– Есть такое дело. Разочаровался я в бизнесе в отечественных реалиях, надо валить туда, где весь прогрессивный мир сидит.

– Астафьев тот еще гнида, его полгорода замочить хотят, – Бирюков обмакнул губы салфеткой, – но бизнес все равно защищать надо. Чего ты решил взять, да и все бросить к чертям?

– Как защищать? Чем?! Все, я бизнесом не руковожу. И стратегические идеи провести не могу. Я стою и тихо курю в сторонке.

– Бизнес, дело такое. Сегодня хорошо, завтра не очень. Надо уметь разные времена переживать. В этом и суть, простоять как можно дольше при любых обстоятельствах.

– Роберт, я готов стоять сколько угодно, только не в нашей стране. Ты сам лучше меня знаешь, на чьей стороне закон, и кто тут рулит.

– Да погоди, ты, не гони. Уехать всегда успеешь. Я тебе хотел дело подсказать, – Бирюков сложил приборы и отодвинул тарелку, – Маришина знаешь?

– Нет, кто это?

– Замглавы федеральной антимонопольной службы. Маришин Игорь Викторович. Так вот, у этого Маришина давние счеты с Астафьевым. Я знаю, что он присматривается к Датанексу, но взять за яйца не может. Больно те скользкие ребята. Так вот, полагаю, что мы могли бы подсобить Маришину, подкинуть им информацию для расследования.

– Какую информацию? – Олег напрягся.

– Информацию об организованном хакерском взломе с целью поглощения быстрорастущего конкурента.

– Но у нас же нет точных фактов.

– А дальше расследование, их работа.

– Да я не верю во все это, и более того, я уже решил ехать.

– Слушай, никто тебя не держит. Только знай, что выход на Маришина у меня есть через человечка.

– Спасибо, Роберт. Даша поддерживает мое решение.

– Твоя жена – прекрасный человек, Олежек.

– Я знаю.

...

Даша вернулась домой к ужину, она весь день провела за подбивкой документации для закрытия фонда. Олег собственноручно приготовил грибную лапшу и запечённую речную форель. Он нестабильный кашевар. Простые макароны мог поставить варить в холодной воде и получить слипшиеся варево. Но когда он что-то делал по рецепту, то взвешивал до грамма, хронометрировал до минуты, и все получалось в лучшем виде. Сегодня ужин удался. А жена была молчалива, отвечала односложно и снова погружалась в свои мысли.

– Очень вкусно, – похвалила она.

– Даш, все нормально? – спросил Олег.

– Да, все нормально.

– О чем ты думаешь?

– Сегодня звонили Кривошеины, молили о помощи, Ане срочно нужна пересадка. Еще приходила Кондакова, еще Лозицкие и Фаусман. И таких больше двадцати человек. А в фонде остатки, на всех не хватит. Я... я чувствую себя обманщицей, предательницей.

– Ну, что ты, – Олег обнял Дашу, – отдай эти деньги самым тяжелым.

– Нет, я думаю на эти деньги провести благотворительный концерт, попробовать собрать какую-то сумму у частных пожертвователей, раз уж грант сорвался. Люди же ждали, надеялись.... А потом уже можно и ехать.

– Как скажешь, – Олег налил вина, – Роберт тебе передавал привет.

– Роберт? Вы виделись?

– Да, мы обедали. Он сказал, что ты прекрасный человек.

– Странно, вы же не...

– Он сам предложил. Говорит, что есть выход на зама главы антимонопольной службы. Вроде тот давно зуб на Астафьева имеет. Говорит, что если натолкнуть их на организованную хакерскую атаку, то можно инициировать расследование. Типа, надо бороться, бла, бла, бла.

– А ты что думаешь?

– А что тут думать? Не верю я в Россию-матушку.

– Но за свое ведь и вправду бороться надо. Зачем этому гаду на блюдечке крутой проект подносить? Душа-то болит, я же вижу.

– Душа болит, – сникнув, признал Олег.

Глава двенадцатая

Москва

У Крисы оставалась неделя до отлета, они с Мартой вызвались помочь Даше с концертом. Кристина уговорила светскую львицу Наири вести мероприятие, а ее сестра – джазовая певица Араика должна будет исполнить свои хиты. Присутствие этих див обеспечит московский бомонд.

Марта погрузилась в организацию и руководила меню, декорациями, приглашениями. Она рассказала Даше, что Полесский прекратил общение с ней, и она сама в своих подвигах решила остановиться. Ведь в снах Воронцова так и не находила ответа, где искать дочь. И сущность той Марты изо дня в день все больше проникала в эту Марту и не давала покоя.

На столиках искрилось разлитое по бокалам шампанское, многочисленные композиции из белых лилий наполняли архаусное пространство красотой жизни. На сцене завершились пробы аппаратуры. 19.45 на часах, в фойе собралось человек пятнадцать. Начало концерта анонсировалось на восемь, концертный зал арендовался на триста человек.

Даша не могла совладать со своей нервозностью. Все еще раздавала инструкции режиссеру и ведущей, бегала в банкетный зал организовать перестановку столов, переписывала заготовленную речь. Марта с Крисой потягивали шампанское, когда она вбежала в фойе.

– Зарницких нет, Голдмана, Фадеева, да вообще никого нет!

– Я всем приглашения разослала, потом проверила, что они получены, – заверила Марта.

– Че случилось, где все? На Араику всегда толпы приходят, – Криса достала из клатча смартфон, – наберу ка Савиной, она в курсе всех сплетен.

Концерт должен начинаться, а зал пуст. Долина позвонила подруге, та ей по секрету выдала инсайт. Тусня, оказывается, знала, что будет крутой «ивент», но из-за недавно всплывшей истории про отмыв денег через фонд, никто не захотел мараться и портить свою репутацию, мало ли чем это чревато. В итоге на мероприятие собрались несколько малозначимых ротозеев, ищущих, где убить время.

Даша опрокинула бокал шампанского.

– Какая же я дура! – в сердцах выругалась она. – Я спустила оставшиеся деньги, а могла же отдать их людям. Как я...

Она больше не могла сдерживать слезы, ладони покрылись черными грязевыми разводами потекшего мейка. Уговоры подруг действовали на нее только распаяюще. Даша вырвалась из объятий Марты и рванула к выходу.

– О май гад! – заверещала Криска через весь зал.

В фойе начал вваливаться народ, люди продолжали идти и идти. Человек двести, может больше. Бокалы шампанского, сиротливо стоявшие на столах, расхватывались как горячие пирожки. Даша попятилась и сиганула в уборную. Через пару минут она уже встречала Роберта, распахнувшего ей навстречу объятия.

– Дашутка, солнышко! Боялся опоздать, мы прямо с корабля, – от Бирюкова разило виски.

– С какого корабля?

– Круиз инвесторов по Москва реке был, три дня бухали, мать его.

– Это все оттуда?

– Ну да, народ расходиться не хотел, я предложил продолжить тусовку, а что, плохо?

– Да нет, очень хорошо. Спасибо тебе, Роберт. Но как ты их затащил? Все же это... Все отвернулись от меня.

– Брось ты, никто от тебя не отворачивался. Народ знает, что к аферистке я их не поведу. Да и рассказал я, сколько жизней ты спасла. Слежу за твоими успехами, Дашут.

Даша покачала головой и тепло обняла Роберта. Благодаря его поддержке, собрались очень влиятельные люди.

Концерт с небольшим опозданием начался, Араика феерично исполнила новую песню, балетная труппа Ханны Волковой поставила экстравагантный перформанс. Наири пафосно и проникновенно рассказывала о проектах фонда, объявились первые желающие сделать пожертвования. Номер за номером, погружение в мир волонтерства и взаимопомощи, атмосфера накалялась, инвесторы распалялись, и взносы стали значительней. Даша не верила своим глазам, но каждый взнос ее приближал к цели и возвращал веру в людей и Россию-матушку.

После концерта пожертвователей пригласили на банкет. Соколова искала Роберта среди толпящихся в фойе людей.

– Кого потеряла? – спросила Криса, проходящая мимо под руку с девелопером Татаринновым.

– Роберта не видела?

– Он после концерта вышел на улицу, – ответила подруга.

Водитель услужливо открыл Бирюкову дверь мерседеса, когда его нагнала Даша.

– Роберт, у нас банкет.

– Даш, извини, домой надо. Завтра заседание. Давай в другой раз.

– Ты столько сделал для нас, я не знаю, как отблагодарить.

– Какая благодарность? Святое дело – помогать нуждающимся.

– Роберт, ты просто... лучший, – Даша чмокнула его в щеку, – приходи к нам в гости.

– Непременно, любимейший Дашкин!

Глава тринадцатая

Москва

Спасение жизней. Какая цель может быть выше? Что может поглощать больше?

Когда-то на глазах Даши умерла Фаинька, ее кровинушка, единственный родной человек, сестра-близнец. Они были подкидышами и воспитывались в детском доме. Интернат, где девочки жили, требовал ремонта, старые рамы от ветра ходуном ходили, в комнаты задувало, несмотря на старания воспитателей утеплить окна. Когда девочкам было по шесть лет, зима выдалась лютая, стояли морозы под сорок, и Фая заболела. Она сгорала на глазах, а невнимательные врачи поздно поставили диагноз – менингит. Лечение уже не помогло малышке. Даша осталась одна одинешенька со своей едкой болью. Тогда она и решила стать хорошим врачом и спасать жизни людей.

Но ее планам не суждено было сбыться. Преподавание в школе-интернате никудышное, к выпуску Даша толком не знала ни биологии, ни химии, а тем более математики. Она подала документы в медицинский и экзамены с позором завалила. Тогда попробовалась в пединститут, в котором был недобор абитуриентов, и ее с удовольствием взяли.

История с врачебной практикой не состоялась, но к помощи больным Даша все же пришла. Уже со студенческих лет она состояла в нескольких волонтерских организациях. Помогала медсестам в хосписах, мыла, гладила, убирала, приносила продукты и даже ставила концерты.

После окончания института Даша устроилась работать в школу педагогом. Из-за нехватки учителей ее нагрузили и классным руководством, и ведением продленки. На больных подопечных времени не оставалось. Урывками в выходные она бежала в дом престарелых, чтобы выполнить просьбы тех, кому обратиться больше не к кому.

Олег, окончив факультет кибернетики, на полставки работал программистом в айти компании, а в оставшееся время вел курсы программирования в школе, в которой преподавала Даша. В универе Олег был робким и неуверенным в себе юношей. Типичный ботан: субтильное телосложение, очки, ссутуленная осанка. Обделен женским вниманием. Но когда он начал зарабатывать неплохие деньги, ощутил себя по-новому. Поставил линзы, начал захаживать в спортзал, приделся не броско, но модно. И, в конце концов, набрался наглости подкатить к симпатичной молодой учительнице Даше.

Когда они поженились, Олег уже прилично зарабатывал и предложил жене оставить работу и заняться тем, к чему душа лежала больше. Тогда Даша и решила вернуться к волонтерской деятельности, а позже родилась идея создания благотворительного фонда.

С тех пор ребята жили дружно и ладно. Каждый делал свое дело, и друг в друге они находили мощную поддержку и опору.

Глава четырнадцатая

Москва

Прошел благотворительный концерт. Олег был горд тем, что Даша, даже в таких сложных условиях, после травли и тюрьмы смогла привлечь деньги и поддержать нуждающихся.

По поводу ситуации с «Интачером», Соколову изначально казалось, что он готов примириться и оставить все как есть. «Усмири свое эго, иначе другому Олегу будет хуже», – говорил он себе. Ведь каждую ночь ему приходилось переживать судьбу горемыки-Олега, едва выжившего после отравления лекарствами и оставшегося наедине со своим одиночеством. Но события последних дней привнесли оптимизма. Даша была рада оправдать надежды своих подопечных, Роберт предложил решение проблемы с фирмой. Откровенно говоря, было видно, что жена не хотела срываться с места, идею с переездом она поддержала ради Олега, но искала повод оттянуть ее воплощение. Да и сам Олег, сходу растерявшийся, еще и удрученный гнетом ночных кошмаров, по-настоящему не готов все бросить. И они с Дашулей обоюдно решили принять предложение Бирюкова. Тот пообещал выбрать удачный момент, чтобы подойти к Маришину с их вопросом.

Вечером позвонил Наум, сказал, что пришло сообщение о внеочередном собрании акционеров, которое состоится через двадцать дней. Запахло жареным.

В назначенный день в просторной переговорной сидели карлик Астафьев, его партнеры Кричевский и Сологалов, новый генеральный директор «Интачера» Александр Кокс, парнишка-секретарь, Олег и Наум. Астафьев сделал вступительную речь о том, что необходимо ускорить развитие проекта. Белорусский стартап «Затока» растет быстрее, и есть риски, что он вот-вот обгонит «Интачер» и займет нишу первым. Так что действовать надо быстро и агрессивно.

Александр Кокс больше походил на модного футболиста, нежели на менеджера. Атлетический торс, бронзовый загар и стрижка «Фейд» с выбритыми висками. Гонор и самолюбование читались в каждом его жесте. Разухабистой походкой он вышел к флипчарту и на полчаса зарядил презентацию стратегии. Сыпя американизмами, подвел к нехватке кадрового ресурса и средств на маркетинг. А Астафьев и компания одобряюще кивали. Казалось, этот цирк они устроили для самих себя. Олег не выдержал и прервал пафосную речь Кокса. Он отметил, что работать надо еще над продуктом, а маркетингом заниматься рано, но присутствующие не приняли его аргументов. Шоу подходило к кульминации, в которой встал вопрос о дофинансировании компании.

– Венчурная компания «NGA Capital» готова вложиться в наш проект. Я предлагаю провести доэмиссию акций, – начал Астафьев, – надеюсь, с NGA Capital все знакомы?

– Есть еще варианты? – спросил Сологалов.

– А зачем? NGA – известная фирма, – высказался Кричевский.

– Я против этой никому не нужной спешки, – вспылил Олег. – Затока нацелена на молодую аудиторию, наш пользователь двадцать пять плюс. Послушайте меня, надо без лишних трат сконцентрироваться на улучшении продукта. Квалификации наших программистов достаточно, просто дайте им еще времени.

– Олег, у нас реально прирост упал, ты наверно не отслеживаешь в последнее время, – сказал Наум.

– Это нормальные отклонения. Сегодня меньше, завтра больше, – Олег не ожидал, что Наум поддержит Астафьева.

– Нифига не нормальные, последний месяц он падает каждый день. Ты извини меня, Олег, но я за увеличение капитала. Мы же сами от этого выиграем, – продолжал Наум.

– Проиграем мы, если ты еще этого не понял, – зло осек Соколов.

С подачи Астафьева провели голосование, против выступил только Олег. В итоге остальные акционеры набрали больше необходимых две третьих голосов, решение было принято.

Доля Соколова была размыта с двадцати пяти процентов до восьми, он подозревал, что Астафьев аффилирован с NGA Capital, и допэмиссия проводилась специально с целью снизить влияние Олега в компании. Наум морозился, судя по всему, Астафьев купил и его.

Время шло, дело не двигалось. Роберт никак не мог встретиться с Маришиным. Тот не отказывал, но постоянно ссылаясь на занятость и встречу откладывал. Олег психовал по этому поводу. Он пытался разведать обстановку в компании, Наум в разговорах петлял, хвалил руководство, хоть стремительного развития сети так и не наступало. Олег встретился с главным программистом Артуром Валеевым, чтобы дать свои установки. «Не получается сверху, буду управлять подпольно», – решил для себя он. Но это было заблуждением. Валеев общался, как и Наум поверхностно, не погружаясь в детали и уклонялся от прямых вопросов. Похоже, руки Астафьева дотянулись и до персонала компании.

Олег застрял в этом липком процессе ожидания. Он зависел от какого-то неизвестного ему Маришина, и то исход дела не предвещал ничего хорошего. Но, как отметила Даша, душа болела. Отжали, кинули, поимели. Целыми днями Соколов предавался одиночеству в своей квартире, роились мысли, росло раздражение, и не нашлось ничего иного, как начать пить.

Олега разбудил звонок мобильного, время было шесть вечера. Проснулся помятый и сейчас он пытался очухаться, чтобы внятно ответить Роберту.

– Привет, Олег! Спишь что ли?

– Да нет, приболел немного.

– Слушай, тут мероприятие в пятницу намечается. День Строителя в Кремле. Соберётся элитная публика, от Монопольной службы идет Маришин. После официальной части будет банкет. Давай-ка, я вам пробью приглашения, приходите с Дашей. Я тебя постараюсь к Маришину подвести, пообщаетесь в неформальной обстановке.

– В пятницу?

– Да, собери, все, что у тебя есть на них.

– Спасибо, Роберт.

– Не гони, рано еще благодарить-то.

Глава пятнадцатая

Москва

Даша задержалась на работе, на концертную программу они опаздывали. Но Олега это не беспокоило, главное, нужно попасть на банкет.

Бетонно-стеклянная распластавшаяся вширь громадина Кремлевского Дворца с перпендикулярными архитектурными линиями пилонов и витражей – наследие Никиты Хрущева. Власть и совок в нашей стране неразрывны. А где власть – там и стройка. И праздновали день строителя Московские чинуши, акционеры и директора всевозможных «Мосинжстройрестов» по традиции здесь.

Роберт радушно встретил Соколовых возле входа Кремлевского Дворца.

– Здесь Маришин, на концерте передо мной через пару рядов сидел, – заверил он.

В огромном банкетном зале столы, накрытые скатертями с фуршетными юбками до пола, паркетный пол и подвесной решетчатый потолок отсвечивали светло-фиолетовым цветом прожекторов. На столах – фаршированные осетры и запечённые поросята, коктейльные салаты и тосты с икрой. За столами – важные мужи, с ними – напомаженные дамы разных фактур и размеров. Сиреневый отлив освещения придавал торжественного холода, а лицам – вампирской выразительности. Для гостей пела Лолита. Роберт усадил Олега и Дашу за свой столик.

Несмотря на халявные гастрономические изыски, есть не хотелось. Олег для вида поковырял салатик. Роберт настойчиво угощал их с Дашей, ловко наминая бедро поросенка и время от времени осматриваясь по сторонам.

– Вон, видишь, за дальним столом сидит молодой парнишка в синем костюме с желтым галстуком. Это Клименко, помощник Маришина, они пришли вместе. Но Маришина я не вижу. Наверно, на перекур вышел, – сказал Бирюков, склонившись к Олегу.

Даша увидела своих знакомых – чету Синицыных, пошла с ними пообщаться.

Пришел Патриарх со свитой, минут двадцать благословил московскую стройку, уступив место вечномоложавому Маликову. Попы, подвывая кресты салфетками, чревоугодничали и баловались винцом. Спиртное бодро обновлялось в бокалах, градус в зале повышался, народ кучковался за разговорами и сплетнями. Маришин так и не появился. Роберт пошел прояснить обстановку.

Выяснилось, что чиновник срочно отбыл. Олег сник, как узнал, что опять промах вышел.

– Не судьба, – сказал он удрученно.

– Да ты совсем плох, с таким настроением ничего не добьешься. Давай лучше выпьем, – Бирюков разлил коньяка.

Хеннеси обжег голодный желудок. В животе загорелась лампочка и стало спокойней. Вокруг царило оживление и веселье. Олег налил еще.

– Закусывай, Олежек, – Роберт положил кусок поросенка на тарелку Олега.

– Стройкомплекс с жиру бесится, осетры, черная икра, – Соколов закинул в рот кусок нежного мяса.

– Да они во все времена жировали. Московская стройка – самый лакомый куш. Абы кто сюда не влезет, – Бирюков вытер рот салфеткой и отложил ее в сторону. – Олег, пройдусь я, пообщаюсь с народом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.